

Ника
ОБОЛЕНСКАЯ

Кара
МАЖОРА

Для

СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
РОМАН

Ника Оболенская

Кара для мажора.

Поспорить на любовь

<https://litres.ru/74212782>

Аннотация

НОВИНКА ПРО СПЕЦНАЗ:

— Стареешь, Лекс! — Тим, посмеиваясь, толкает меня в плечо. — Раньше девчонки сами на тебя вешались, а теперь бегут как от огня. Какая-то выскочка сегодня сделала меня посмешищем... и свалила в закат. — Месяц — и эта овца будет смотреть на меня влюбленными глазами! — Да она пошлет тебя еще дальше, чем сегодня! — Спорим?! На мой байк, — протягиваю ладонь другу. — По рукам! Теперь это дело принципа.

✱##

Непростое уравнение: (1 строптивая девица + 1 наглый мажор) x 1 спор = 2 разбитых сердца Или у этой истории будет другой конец?

неидеальный герой боевая героиня ✱# противостояние характеров, эмоции на грани

Другие книги цикла "Горячие RED флаги":

История про Тима Сафонова и его Ведьму

Содержание

1. Бес. Урод и Убогая	5
Визуалы	9
2. Бес. Выскочка	10
3. Бес. А ты зубастая!	15
4. Кара. Удачно начала	20
5. Кара. Боец?	24
6. Бес. Спорим?	28
7. Кара. Ты получишь войну	34
8. Бес. Овечка и пастух	39
9. Бес. Спешу	43
10. Бес. Старик	46
11. Бес. Карина, значит?	50
12. Кара. Бес, значит?	54
13. Кара. Та самая	59
14. Кара. Он всё слышал	62
15. Кара. Я направляюсь Бесу	66
16. Бес. Она не верит мне!	72
17. Бес. Продолжай...	75
18. Кара. Он мне не нравится!	81
19. Бес. Клоуны	85
20. Бес. Уязвимое место	89
21. Бес. Нокдаун	93
22. Кара. Кристалл	97

23. Кара. Бабочки	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

1. Бес. Урод и Убогая

Данная книга предназначена для читателей старше 18 лет!

В книге присутствуют сцены употребления алкоголя, курения и сцены эротического содержания, ненормативная лексика.

Все события вымышлены, совпадения случайны.

Автор не призывает и не поощряет поступать так, как описано в данном художественном произведении.

Погода — полный отстой!

Стягиваю шлем, морщась, как от зубной боли, — дождь разошелся и лупит со всей силы.

Холодные капли стекают за шиворот, и я мысленно проклиная этот ебанутый апрель, который никак не может определиться: то ли он июнь, то ли октябрь. Еще вчера была жара, а сегодня — дубак и сраный ливень.

На ступеньках корпуса киваю парочке знакомых рож и в последний момент вспоминаю, что пачка сигарет осталась в бардачке байка.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят, и тут — бац! — в меня как снаряд врежется девчонка.

Блять!

Купол зонта с размаху прилетает мне по физиономии, а

девица с визгом летит в лужу.

— Ты совсем офигел?! — взвывается она, сверкая глазами, как разъяренная кошка. — Слепой, что ли?!

Ее лицо так перекосило от злости, что я на секунду теряю дар речи. Зато успеваю заценить длинные, стройные ноги, небольшую грудь и светлые кудри, разметавшиеся по плечам.

Сарафан, кстати, короткий, и, когда девчонка отжимает подол, я получаю отличный вид на ее задницу.

Хорошенькая, и это я не только про ее зад, ага.

— Придурок! Я вся мокрая теперь! — наезжает Кудряха и поднимает бесполезный зонт.

Дико раздражает ее тон, и я грубо отбиваю подачу:

— Заметь, я еще даже член не достал, а ты уже намокла.

Рядом ржут парни, а девица вспыхивает как сигнальная ракета.

— Урод! — вопит рассерженно и, пихнув меня плечом, устремляется к дверям в корпус.

— Убогая, — бросаю ей в спину.

— Видал, какая малая? На Беса наехала!

— Идиотка, что ли? — Доносятся до меня голоса пацанов.

Криво ухмыляюсь и спешу к байку.

Еще минуту терплю дождь, делая быстрые затяжки, и захожу внутрь.

Башка трещит после вчерашнего так, будто я стены ею пробивал.

Внутри ворочается глухое раздражение на отца. Старик забрал мои ключи от «ламбы», из-за чего пришлось добираться в универ на байке.

Первые пары я благополучно проспал и теперь туплю перед расписанием.

Ебанные буквы никак не хотят складываться в слова, и мне приходится напрячь извилины.

Социология. Полтора часа шизобреда от Жучки.

Заебись!

Лекционный зал забит до отказа. Друзья ожидаемо оккупировали галёрку.

Прохожу наверх, стряхивая с волос прохладные капли. Футболка противно липнет к телу. Обмениваюсь рукопожатиями с пацанами.

— А чо, конкурс мокрых маек где-то был? — подкалывает Тим Сафонов, мой самый лучший дружбан и король тусовок и рейвов.

Кисули пожирают нашу компанию глазами. Их внимание липкое, как свежий гудрон, в котором я уляпал новенькие кроссы.

Больше всех старается Вика Лапина, но я лишь раздраженно передергиваю плечами, стряхивая назойливость бывшей как мусор.

Лапина — смазливая девка. Все при ней — сиськи, жопа, рот рабочий. И хоть она внучка ректорши, мозги у Вики размером со свечу зажигания. Но тут, как говорит смеясь Тим:

«Бабка решает».

Да, полезные связи, если на учебу положен жирный болт.

У Вики не было тормозов и особых принципов, прошлым летом мы с ней круто позажигали. И даже раз с Тимом погружались в эти воды вдвоем, if you know what I mean.

Но лето прошло, и как-то больше к Вике не тянет.

— Батя опять лютует? — тут же считывает с моей кислой рожи Сева Панченко.

— Да заебал уже! — взрываюсь и поворачиваю голову к Сафонову. — Тимох, подбросишь на своей? Мне не улыбается, как лоху, снова хлебать из луж.

— А как же телочки, бро? — Тим показательно поджимает губы и кивает в сторону кисятника. — У меня в планах было покатать самую отвязную на моем большом... мэрсе.

— Ты до сих пор веришь, что размер решает? — усмехаюсь. — Технику прокачивай, и будет тебе счастье.

Парни ржут, мне прилетает шутливый тычок в плечо.

— Да харош! Нормально все с техникой!

— А с размером? — тут же подкалывает Панченко, и ржач становится еще громче.

— Пацаны, зацените какая лялька! — Камиль Хасанов дергает головой.

Оборачиваюсь и вижу мою Кудряху.

#####

Визуалы

Наша Кудряха. Карина Снежина, 19 лет

Если музыка, то попса
Если напиток, что лучше вода
Если время года, то, конечно, зима!
Если цветы, то ромашки.
Если любить, то навсегда.

Наш Бес. Алекс Бессонов, 21 год

Если музыка, то рок.
Если напиток, то с градусами.
Если время года, то лето.
Если хобби, то гонять на байке.
Если любовь, то лучше не надо.

Больше визуалов в моем ТГ ("Ника Оболенская пишет"), вся информация есть во вкладке Обо мне
<https://litnet.com/shrt/4TPQ>

2. Бес. Вискочка

Что она здесь забыла?

Кудряха, застыв в проходе, оглядывает аудиторию — недавняя дерзость в глазах сменилась растерянностью.

Волосы после дождевого душа собраны в высокий пучок. Пара прядей выбилась и пружинит забавными спиральками, будто нехотя подчиняясь гравитации.

Я медленно скольжу взглядом вниз.

Тонкая шея, разлет выступающих ключиц, аккуратная грудь, которая сейчас вздымается слишком часто.

Последней уделяю чуть больше внимания, гадаю — такая поместится в ладонь или нет?

А какого цвета у нее соски? Коралловые или темные, а может, нежно-розовые, как ее губы?..

Кровь резко приливает к члену, и в джинсах становится тесно.

Блять.

Ерзаю, пытаюсь избавиться от дискомфорта.

Рядом присвистывает Тим:

— Зачетная. Чума уже слюни пускает!

Резко поворачиваю голову в сторону Антона Чумакова. Рыжий долбоеб действительно пожирает Кудряху глазами.

Напрягаюсь всем телом.

Первый порыв — встать и въебать хай-кик рыжему ублюд-

ку. И здесь это не фигура речи, папашка наблядовал его где-то по молодости, а потом привез домой, как сувенир. И среди нашей элиты Чума как девка с половой инфекцией — связываться с ним себе дороже.

Гребаный отморозок, из-за терок с которым меня выперли из сборной по баскету. Мне оно, может, и на хер не надо. Но все равно по факту бесит.

Злость затапливает с головой, и я сжимаю челюсти, удерживая себя на месте.

Гандон косится в мою сторону и криво ухмыляется.

Не знаю, что это на меня находит, но внутри бомбит просто.

«Свалил на хуй от моей Кудряхи!» — транслирую беззвучно, глядя на него исподлобья, и Антон первым сдается — отводит глаза, мутные, как у стухшей рыбы.

Реально всечь ему, что ли?

— Провинциалочка, — Сева отвлекает от мыслей о расправе над Чумой.

— С чего такие выводы? — спрашиваю на автомате, хотя и так все понятно.

Ни каратников в ушах, ни дорогого тюнинга на мордашке, ни брендовых шмоток.

Я сглатываю пересохшим горлом, глядя, как Кудряха мнет в пальцах подол сарафана.

Мысль о том, что у девчонки мокрый не только он, выносит стояк в штанах на новый уровень.

Прямо к звездам, сука!

— Явно целка! — облизывается внимательный Тим. —

Чуйка у меня на таких.

И у меня вдруг сжимается ладонь в кулак, а тумблер из положения «ябвдул» переключается на «ябвмазал».

Медленно поворачиваю голову и цежу через зубы:

— Чуйку свою в штанах держи.

По ощущениям, мне сейчас реально резьбу сорвет, если он только еще что-то скажет про мою Кудряху.

— Остынь, Лекс!

— Щас Бес Тимохе навалает!

— О-о-о, да у нас тут ревность нарисовалась? — наперебой галдят парни, пока Сева удерживает меня за плечи.

Я ревную? Да что за бред?!

Отвожу взгляд, но он, сука, как намагниченный возвращается к застывшей у входа девушке.

— Спорим на сотку, что сядет в «зону». — Камиль пальцем тычет на пустой ряд перед нашим.

Своеобразная зона отчуждения, за которую вход только избранным.

— Поднимаю до двух, что наш цветочек сядет к ботанам, — азартно потирает руки Тим. — Бес?

— Пас, — отбиваю.

— А чо так? Боишься продуть? — друг ехидно напоминает о предыдущем споре.

Разминаю шею, хрустя позвонками.

— Тут и так все ясно...

Не договариваю.

Будто почувствовав, что речь идет о ней, Кудряха поднимает взгляд и врезается в мой.

Секундное узнавание, и ее глаза грозно сужаются.

Стиснув лямку рюкзака, незнакомка прожигает во мне дыру.

Я вдруг ощущаю неясный трепет в груди. Сердце сбивается с ритма и лупит как угорелое.

Да ладно, это что еще за спецэффекты подъехали?

В ответ строю покерфейс и демонстративно заламываю бровь.

«Какие-то проблемы?»

Кудряха легко считывает мой невербальный месседж.

Ее рука взлетает вверх в очень хорошо знакомом жесте.

Оттопырив средний палец, девчонка касается нижнего века, будто стирает подтеки невидимой туши...

Парни рядом затихают, по аудитории проходит неясный гул. Головы присутствующих медленно поворачиваются в мою сторону.

А Кудряха, задрав хорошенький носик, проходит и усаживается на первый ряд.

Вот же... сучка!

— Да ну на хуй, это не считается! — бурчит обиженно Сева. — Она же просто не знала, куда сесть!

— Гони бабки. — Тим сияет как новенькое литье моего

байка.

— Какая строптивая, однако, провинция. — Камиль толкает «франклина» Сафонову.

Строптивая?

Гипнотизирую выступающие позвонки на хрупкой шее.

И снова девчонка удивляет своей чувствительностью. Передергивает плечами, отмахиваясь от назойливого внимания.

А я... Черт возьми, я не могу оторвать от нее взгляд.

Внутри зарождается какой-то протест.

— Что, так и оставишь ее выпад? — подзуживает Камиль, и я молча качаю головой... а потом спускаюсь по ступеням.

Кажется, пора поставить выскочку на место.

##X##

3. Бес. А ты зубастая!

От одного моего взгляда сидящий рядом с Кудряхой задохлик в очках свинчивает куда подальше.

Падаю на освободившееся место, разваливаюсь поудобнее. Девчонка даже бровью не ведет — уткнулась в телефон.

Не спеша изучаю ее профиль: крутой завиток у виска, розовое ушко, чуть вздернутый нос.

— И что это сейчас было? — нарушаю тишину первым.

Кудряха поворачивает ко мне лицо и задирает бровь:

— А на что по-твоему похоже?

Хмыкаю — какая смелая, однако. Я еще не забыл ей «уро-да», а теперь еще и «фак».

— Больше всего на то, что у тебя есть лишние пальцы, — отвечаю, нарочно выдерживая паузу и отстукивая ритм по столешнице.

Кудряха разворачивается ко мне всем корпусом, и я впервые обращаю внимание на цвет ее глаз.

Вау!

Будто снова на Мальдивах пялюсь на океан.

— А ты местный гопник, который мне их пересчитает? — бросает девчонка высокомерно, спокойно выдерживая мой пристальный взгляд.

В ее глазах — ни капли страха, словно ей просто интересно, что еще я могу отмочить. Только пальцы, стискива-

ющие мобильник, выдают волнение, которое Кудряха тщательно прячет.

Забавная реакция. Боевой котенок...

Взять бы и погладить по выгнутой спинке, но мне хочется дожать!

Откидываюсь назад, оценивающе оглядывая эту дерзкую пташку.

— Ну и откуда ты у нас такая смелая вылупилась? — прохожусь по ее фигуре, задерживаясь на самых интересных местах. — Или просто еще не поняла, с кем связалась?

Кудряшка спокойно закидывает ногу на ногу. Внешне — спокойно, но я теперь знаю, это не так. И вижу, что она пытается скрыть.

Котенку страшно!

Черт, а ноги-то у нее...

— Если бы я знала, что придется общаться с местным оленем, взяла бы учебник по зоопсихологии, — бросает она, глядя на меня как на дерьмо.

Она бессмертная, что ли?

Аудитория затихает, ожидая моей реакции. Я наклоняюсь ближе к девчонке, втягивая ее запах — сладкий, манящий.

— А ты зубастая... Мне нравится. Один вопрос, хищница. Это просто защитная реакция или ты в себя поверила?

Мне достается еще один взгляд — холодный и колючий.

— Защитная? — переспрашивает Кудряха, манерно выгибая бровь и кривя губы в недоброй усмешке. — Нет, это

называется «не опускаться до уровня дебила». Хотя, судя по твоей недавней попытке выпрыгнуть из штанов — или что ты там хотел мне показать? — ты еще на уровень ниже...

Кто-то с задних рядов фыркает.

Я чувствую, как кровь кипит, но ухмыляюсь шире.

Сокращаю между нами расстояние до нескольких сантиметров, практически нависая над девчонкой.

Ее рот слегка приоткрывается, в глазах мелькает испуг, но она не двигается, застыв на месте.

— Если бы я выпрыгнул из штанов... — цежу я, медленно оглядывая ее снова.

Кладу ладонь ей на колено и сжимаю пальцы, веду вверх по бедру.

Кудряха вздрагивает, ее зрачки расширяются, а я, смакуя ее реакцию, добиваю контрольным:

— Ты бы уже всю мне отсасывала и просила засадить тебе поглубже.

Раунд!

Аудиторию взрывает.

Кудряшка спихивает мою ладонь, провезя по ней ногтями. В глазах ярость, на щеках красные пятна. Одним махом она собирает вещи и успевает выскочить за дверь, едва разминувшись с Жучкой.

— Почему носимся как угорелые, пара уже началась?... И что за галдеж? Вас в коридоре слышно! — сердито выговаривает преподша, а потом находит глазами меня. — Бессо-

нов, ваших рук дело?

Расплываюсь в широченной улыбке:

— Анна Павловна, клянусь, я даже пальцем не пошевелил!

— Вам и языка достаточно, — произносит она строго.

— А если я приложу его к вашей... социологии, можно рассчитывать на автомат?

Аудиторию рвет.

Жучка старше всего на несколько лет, и задирать ее — guilty pleasure.

Но, в отличие от Кудряхи, Жучка не покрывается стыдливым румянцем и не бежит вон.

Сложив руки на груди, она сообщает мне спокойно:

— Еще слово, Александр, и я выставлю вас за дверь, а потом *приложу* все свои усилия к тому, чтобы вас отчислили!

Делаю вид, будто закрываю рот на замок и под неодобрительным взглядом Жучки поднимаюсь наверх.

Парни тихо ржут.

Камиль, как обычно, пожирает Жучку глазами, но на этот раз никак не комментирует наши с ней пикировки. Заболел, что ли?

— Ну чо, герой? — Тим с довольной рожей пихает меня в плечо. — Похоже, тебя только что публично кастрировали.

Нам снова достается убийственный взгляд от Жучки, читающей лекцию.

— Нет, брат... Меня только что хорошенько так возбуди-

ли.

Впервые за долгое время я чувствую азарт. Настоящий. Он курсирует по венам жидким азотом, разгоняя сердце до сотни за рекордные, блять, миллисекунды.

А виновница всего пиздеца сейчас за пределами этой аудитории.

И в следующий раз я не дам ей сбежать.

#####

4. Кара. Удачно начала

В комнате пахнет пылью и размокшим картоном.

Я стаскиваю с себя промокший сарафан и закутываюсь в халат.

До сих пор от негодования все внутри звенит натянутой струной.

Первый день в новом универе не задался с самого утра.

Я упустила свой автобус и опаздывала! За стеной дождя очертания зданий за стеклом размывались в одно сплошное серое пятно.

От остановки до корпуса бежала, укрываясь от проливного дождя огромным зонтом.

Перепрыгивая ступеньки, я с ужасом пыталась вспомнить, в какой аудитории будет пара. В тот момент от порыва ветра купол зонта наклонился, закрывая мне обзор.

— Ай! — взвизгнув, я полетела назад и приземлилась прямо в лужу.

Капец!

Вскинула сатанеющий взгляд. Надо мной возвышался брюнет в черной толстовке и шлемом в руках.

— Ты слепой?! — прошипела рассерженно, мечтая его самого в лужу окунуть. — Я теперь из-за тебя вся мокрая!

В ответ этот придурок язвительно ухмыльнулся:

— Заметь, я еще даже член не достал, а ты уже намокла.

Кругом раздались гогот и смех. Я почувствовала, как краснею от злости. Вот же!..

— Урод! — выплюнула, поднимаясь и мечтая испепелить гада взглядом.

— Убогая, — прилетело мне в спину.

Эта стычка зарядила меня нездоровой злостью, но самое интересное было впереди.

Потому что в нужной аудитории я снова встретила взглядами с этим любителем проветривать свой член.

Будто мало этого — чертов хам вынудил меня сбежать!

Я потом проторчала целый час в деканате, пытаюсь решить, что делать с этим «социологическим кошмаром».

Заведующая кафедры социологии — Анна Павловна Жукова — смотрела на меня с плохо скрываемым скепсисом, когда я бормотала что-то о переносе занятий. Она кивнула, но во взгляде читалось: «Выскачка, которая возомнила о себе слишком много».

Сомневаюсь, что мой «блат» был для нее секретом.

Декан факультета — папин давний знакомый, пошел навстречу и согласовал мой перевод в конце семестра.

Мне перезачли большую часть предметов третьего курса, но какие-то придется сдать со всеми вместе в сентябре.

Я могла бы и вовсе не появляться до осени в универе, но сидеть дома для меня сродни пытке.

Да и когда-то надо начинать жить обычную жизнь.

И вот так удачно я ее начала.

Буквально окунулась в бурную студенческую жизнь. Аж тусы сырые!

Черт, вот не стоило про это вспоминать.

Как этот урод там сказал? Успела намокнуть до его телодвижений?

Перед глазами так и стоит наглое лицо, похабная усмешка, этот оценивающий взгляд.

Он раздевал меня им!

«...ты бы уже всю мне отсасывала и просила засадить тебе поглубже...» — разве такое может сказать нормальный человек?

Животное. Похотливое!

Мерзкий тип еще и руки распускал!

В тот миг, когда горячая пятерня схватила меня за коленку, а потом сдвинулась выше, я опешила.

Заледенела внутри.

Растерялась.

А потом ледяная корка треснула, разлетелась сотнями осколков, и по телу побежал обжигающий вал.

Никому и никогда я не позволяла себя *так* трогать.

Поддержки и касания партнера по фигурке не в счет. За столько лет мы с Марком друг для друга давно стали бесполовыми существами.

Марк. При мысли о нем заныло травмированное колено, и я постаралась выкинуть его образ из головы.

Это в прошлом.

Да и странно представлять, что вечно стеснительный Марк мог бы дотронуться до меня так, как это сделал тот наглый козел.

Тискал меня при всех... будто я девка гулящая!

Но, когда все вокруг заржали, напоминая тупое стадо, я сбежала, так и не ответив противнику.

Неслась по коридору испуганным кроликом, забыв обо всем на свете. Стыд обжигал щеки сильнее, чем когда меня обвинили в допинге и лишили Олимпийского золота.

Там была несправедливость. Система, против которой я билась всеми силами. А здесь... здесь я сама дала слабинку. Поддалась на провокацию этого... этого утконоса. И сбежала.

☂ # ## ##

5. Кара. Боец?

— Ты еще ничего не разобрала? — мама застывает в дверях с полотенцем в руках. — Как дела в универе?

— Не успела, — отвечаю только на первый вопрос.

Я вчера начала, но наткнулась на свои награды, и накрыло.

Блестящая поверхность «Золотого конька», тяжесть чемпионского кубка Европы, медали на разноцветных лентах — они обжигали пальцы не холодом металла, а позорным стыдом.

От бешенства хотелось выбросить все это в мусор, разломать и разбить вдребезги.

Зачем они мне?

На моей спортивной карьере поставлен жирный крест. Нет, не просто крест, там целая надгробная плита из сплетен, подлогов и официальных бумаг с печатями.

Не сдвинешь... Не отмоешься.

От затаенной злости вскипают слезы на глазах, но я давя на себе это желание — заплакать.

Я сильная, я справлюсь.

Слезы — удел неудачников и неуравновешенных дур.

— Риш? — мама ласково касается плеча, и я натягиваю на лицо пластиковую улыбку, отработанную за сотни интервью.

— Все хорошо, мам. Вливаюсь.

Ложь. Горькая и колючая, как ледяная крошка.

Ну да... Стычка с местным аборигеном-придурком и мое позорное бегство с первой же лекции — идеальное начало «вливания».

Мама вздыхает и улыбается понимающе.

— Первый день всегда тяжелый, Ришка, — говорит она мягко, погладив по волосам. — Не переживай. Освоишься. Ты же у нас боец.

Но ее слова — ободряющие — лишь подчеркнули мое сегодняшнее поражение.

Боец? Боец не убегает с поля боя.

— Помочь? — Мама кивает на коробку с моими наградами.

— Прошлому здесь не место, — отвечаю я и поспешно запикиваю кубки под кровать.

— Зачем ты так? — мама тяжело вздыхает и присаживается рядом. — Это ведь часть твоей жизни...

— Как оказалось — постыдная, — произношу я с горечью и добавляю уже спокойнее: — Мы это уже обсуждали, мам. У меня нет шансов вернуться в сборную...

— На ней свет клином не сошелся. Ты можешь преподавать. Тебя с руками оторвут... — Мама сжимает мою ладонь. — Ты, конце концов, мастер спорта! И добилась этого сама! — Кто меня возьмет? — я отвожу взгляд. — Да и не хочу я...

В комнату ураганом влетает Яра и тут же начинает ныть: — Во-о-от! Я тоже не хочу ходить на танцы-ы-ы! Ма-а-

ам, ну почему Карине можно, а мне нельзя-я-я?!

Сестра забирается ко мне на кровать и начинает прыгать.

— Потому что ты сама хотела ими заниматься, — мама пытается схватить егозу, но та ловко уворачивается, спрыгнув и отбежав к окну.

— А теперь не хочу-у-у!

— У тебя же соревнования через две недели, я билеты в Москву купила! А костюм?! — сердито выговаривает ей мама.

— Я без зуба никуда не поеду, мам! Все будут смеяться!

— Яра от злости топает ногой и сердито складывает руки перед собой.

— Он уже к этому времени вырастет, дочь, — мама гнет свою линию, но сестра не сдается:

— А если нет?

— Улыбаться можно и губами, — начинает мама, но Яра ее перебивает, выговаривая серьезным тоном:

— Мам, ну что ты как маленькая? Там латино! Румба, ча-ча-ча! Надо улыбаться так, чтобы уши на затылке сошлись и щеки трещали! Нет. Без зуба не поеду!

Не выдержав, громко смеюсь и спрашиваю у сестры:

— И куда же ты хочешь ходить?

Та, не прекращая носиться по комнате, отвечает:

— Я хочу на карате! Буду такой же сильной и ловкой, как у папы... этот... — наморщив лоб, Яра даже останавливается на секунду и радостно выдает: — Долбоклюй Романов!

Громко ахнув, мама хватается за сердце, а потом грозно смотрит на сестру:

— Девочка не должна такие слова говорить, Ярослава!

— Но папа же так говорит! — заныла та. — А еще говорит, что, как у них рукопашка, так Романов вечно ползвода ложит и носы ломает...

Я прыскаю от смеха, и мелкая тут же сияет щербатой улыбкой.

— Не ложит, а кладет... — растерянно поправляет мама, а потом сводит брови к переносице: — Так! Рано тебе, девушка, носы ломать. А с папой мы еще поговорим! И про карате, и про Романова. Нет, он вообще понимает, что при ребенке говорит?!

Мама тянет Яру за собой. Они скрываются за дверью, оставив меня наедине с коробками и призраками прошлого.

#####

6. Бес. Спорим?

На хате у Сафонова вечный движ и вечная ночь.

От басов содрогается грудная клетка и закладывает уши, неон режет глаза и отпечатывается под веками.

Бросив льда в стакан, наливаю вискаря и делаю глоток. Пью дорогущий алкоголь как воду, уже не чувствуя вкуса.

Батя в своей излюбленной манере приказал явиться домой.

Бля буду, без очередного скандала не обойдется, и я навою марафет, чтобы оправдать высокое доверие.

Накачиваюсь под завязку.

Ловлю заинтересованный взгляд полуголой кисули, которая вьется под грохочущий кислотный микс в одних стрингах. Оценивающе прохожусь по фигуре.

Мозг заторможенно фиксирует увиденное вспышками стробоскопа: высокая грудь с сосками, вымазанными на кой-то хрен блестками; татушка на половину задницы — то ли розы, то ли еще какая-то ебала, не поймешь; большой алый рот и кудрявые волосы.

Рыжие, мать твою. А надо... надо, чтоб белые...

Член, до этого вяло трепыхающийся в штанах, вообще падает — хитровыебанный мозг уже успел обработать инфу и дать команду «отбой».

Потому что не то... все не то.

Пошатываясь, возвращаюсь на крышу, где у Тима оборудован лаунж.

Здесь тишина, от которой после драм-н-бейса звенит в ушах. Небо на востоке уже посветлело, тянет прохладой и ароматным дымом кальяна.

— Я уж думал, ты труп, — со смешком замечает Камиль и выпускает дым кольцами.

Сева и сидящая на его коленях кисуля фыркают и начинают подьебывать на эту тему.

— Как там твоя невеста поживает? — в упор смотрю на Панченко, и тот мгновенно подбирается. Расфокусированный взгляд трезвеет.

— Умеешь ты кайф обломать, Бес! Свали! — Сева зло спихивает девку, и та обиженно уходит.

— Так что там с невестой? — я падаю на диван и прикрываю на секунду глаза.

Ой, бля-я-я. От вертолетов под веками просыпается тошнота, и я снова их распахиваю.

Панченко злой как черт пыхтит трубкой кальяна.

— Сева-а-а, — зову издевательски.

— Тебе какая печаль? — отбивает и раздраженно вливает в себя стопку текилы.

— Ну я же за тебя переживаю, по-дружески! — кривлю губы, с каким-то мазохистским удовольствием наблюдая, как сатанеет взгляд у всегда сдержанного вне ринга Панченко.

Какая-то часть меня жалеет друга — залететь на договор-

ной брак в двадцать первом веке, это пиздец какой кринж.

А другая часть надеется, что Сева наплюет на свой кодекс джедаев и всечет мне джебом в челюсть, отправив в нокаут.

— Лекс, да отъебись ты от него! — Камиль пихает меня в плечо, и я сползаю еще глубже в диванные подушки.

— Соррян, бро, — поворачиваю голову к Севе.

— Проехали, — цедит он прохладно, а потом невесело хмыкает: — Одна радость, на мой цветочек она может не рассчитывать.

Отбито ржем, когда в лаунж заваливается бухой Тим в обнимку с девахой.

— А вот и мы-ы-ы, — лыбится во все тридцать два и смачно шлепает брюнетку по заднице. — Давай-ка, повторим, что мы с тобой разучили!

— Всем привет, — послушно тянет та, делая ручкой, — я Аня!

Камиль резко подбирается и уже неотрывно смотрит на девчонку.

Прищурившись, тоже оглядываю ее, невольно отмечая сходство с Жучкой — глаза, волосы, даже мордашка отдаленно напоминают преподшу, если бы та вечно не поджимала губы.

Ну пиздец.

— Дальше, детка, — Тим подваливает ко мне и ухмыляется, поглядывая на девку и Хасана.

Аня делает пару шагов и плюхается на колени обалдевшие

му Камилю, прижимается к нему и выдает с придыханием:
— Я обожаю говорить о социологии и знаю... что у тебя с ней сложности. Готова заняться с тобой... репетиторством.

Хасанов удивленно застывает, а мы с Севой обалдело пристыствуем.

Мало того, что внешне эта Аня — копия Жучки, так еще и голос, будто запись с диктофона врубили.

— Что ты сейчас сказала, — хрипит Кам, стискивая бедро девчонки. Его ноздри раздуваются от гнева, а потом Хасана взрывает.

— Ты думаешь, это, блять, смешно?!

Морщусь от децибел. Тим ржет:

— По-моему, очень! Ты на своей Сучке помешался. Остынь, бро... разрядись. Смотри, какой я тебе шикарный нашел варик! Сиськи-письки, все при ней... Аня, детка, сделай нашему другу хорошо!..

Девчонка лезет к ширинке Камиля. Чертыхаясь, он снимает ее с колен и вылетает из лаунжа.

— Борщишь, Тим, — Сева вздыхает и отлипает от стеклянного ограждения. — Я домой, на созвоне.

— Ну и катитесь!.. — Тим швыряет подушку вслед Панченко, а потом переводит злой взгляд на девку. — Че расслаь? Съебалась отсюда!

Наблюдаю, как друг пыхтит кальяном.

— Нахрена к Хасану полез?

Тим затягивается и выпускает дым через ноздри:

— Да заебал на нее слюни пускать! Давно бы уже трахнул Жучку и забыл. Бля буду, она в постели бревно еще то!

— Тебе-то какой понт? — вяло ворочаю языком, пытаюсь представить Жучку в новом формате, но в голову упорно лезет Кудряшка.

— Ладно, забей. Каждый дрочит, как он хочет. — Тим отпивает прямо из горла, а потом похабно ухмыляется: — Тебя вот тоже вчера знатно подрочили...

— Иди нах! — отмахиваюсь и от него, и от мыслей о зубастой новенькой.

Боевой котенок, бля.

— Стареешь, Лекс! — ржет Тим. — Раньше целки на твой член сами прыгали, а теперь бегут как от огня.

Завожусь, испытывая раздражение от слов друга.

Какая-то выскочка из глухого угла сегодня сделала меня посмешищем... и свалила в закат, сучка.

Я ведь ее караулил после лекции, но девчонка будто сквозь землю провалилась.

— И эта даст, никуда не денется, — осаживаю друга, затягиваясь дымом.

— Ага-ага. Если только она тебя первой не отымеет... — ржет Сафонов.

— Месяц — и эта провинциалочка будет не просто стонать подо мной, но и смотреть в рот влюбленными глазами!

— Да она пошлет тебя еще дальше, чем на лекции Жучки!

— Спорим?! — протягиваю ему ладонь, чувствуя, как

учащается пульс. — На моего Дьявола.

— Байк за Провинцию?! По рукам! — Тим азартно разбивает наше рукопожатие и стебется: — Я сверху лям накину, если снимешь с ней хоумвидео. Давай за это!

Принимаю стопку текилы, опрокидываю в себя и заедаю долькой лайма.

Мозг, до этого работавший в автономном режиме, уже долбит идеями, как выиграть спор.

Пока еду в такси, кручу в башке варики, как подкатить к Кудряхе.

Укрощать строптивых всегда в кайф!

Последняя мысль, прежде чем, я падаю лицом в подушку и отключаюсь: «А что до невинности... что ж, эту проблему я с легкостью помогу ей решить».

#####

7. Кара. Ты получишь войну

Полночи ворочаюсь и не могу уснуть. События сегодняшнего дня не отпускают.

Отец снова остался в части, и мы ужинали втроем. Привычная, в общем-то, картина.

Эта квартира служебная, и до нашего переезда в ней никто не жил.

Как я поняла из разговора родителей, предыдущий полковник, присевший на долгий срок, предпочитал служебному жилью личный особняк, построенный на честно награбленные деньги.

На территории части есть дом, но мама отказалась там жить. В основном из-за нас с Ярой — ехать до школы и университета из засекреченной части больше часа. И это без учета пробок и час-пик на дорогах.

Здесь неплохо. Только, как и в любой служебной квартире, неуютно и пусто.

Пялюсь в потолок, расчерченный светом от фонаря на ровные прямоугольники.

Беру в руки телефон и захожу в мессенджер. Там куча непрочитанных сообщений от Миры Малининой. И фото. Много.

Первый порыв — свайпнуть диалог и удалить все к чертям.

Мира из той жизни, где мы были в одной команде. Теперь я вне игры.

На душе сразу становится паршиво, но я безжалостно давливаю в себе это чувство и включаю последнее голосовое.

— Как ты там, Снежинка? Освоилась на новом месте? А мне папа купил машинку, сказал, что и права подарит на день рождения!

Я даже в этот момент представила, с каким азартом горят глаза Малининой. Мира грезилась тачкой еще в пятнадцать.

— У нас все по-старому. Карга новую пару «катает», поставила моего Сашку с Храмовой, а у меня, сказала, жопа стала толстая. И на диету... сама бы жрала свои тысячу калорий и пахла от зари до зари!

Улыбаюсь, глядя в потолок. Ничего не изменилось за тот год, что я не в спорте.

Каргина наводит свои порядки, следит за весом девчонок и бесит Малинину. Наверняка еще и дерет со всех три шкуры и гоняет программу по сотому кругу. Через три года Игры, и они снова полетят за командным золотом.

Только уже без меня.

Я закусываю губу, запрещая себе расклеиваться.

— ... а меня, прикинь, поставила с Марком, — продолжает частить Мира, но я уже не слушаю.

Под ребрами собирается колючий комок. Он мешает дышать.

В голосовом еще целая минута, но я ставлю на паузу.

Позже. Я дослушаю это сообщение позже.

Когда осознание, что меня просто списали со счетов, не будет так сильно дергать нерв.

Не я первая, не я последняя.

Век фигуристов не долг. Когда тебе шесть, и ты впервые встаешь на пьедестал почета, об этом не думаешь.

И когда тебе тринадцать, и ты с легкостью крутишь сразу после каскада четверной тулуп, — тоже.

Но вот тебе восемнадцать.

За плечами опыт, миллион часов на прокат программы, победа на самых престижных соревнованиях мира!.. Впереди контракты, реклама, тренерская работа с подрастающим молодым. Ты счастлива, а потом проверка выявляет в твоей крови допинг.

И все превращается в ад.

Верчусь на постели, а потом, не выдержав, достаю из-под кровати коробку с наградами.

Смотрю в свое отражение на золотом боку Кубка Юниоров. Бледное лицо с лихорадочным румянцем на щеках и карикатурно вытянутым носом.

Жалкое.

Сердито сдуваю непослушную прядь у лица.

На выступления я всегда зачесывала свои буйные кудри в идеальную «шишку» — ни одного волоска не выбивалось.

Я откатывала программу с ледяным спокойствием и лишь потом, вдали от камер и сотен тысяч глаз, позволяла себе

предательскую дрожь пальцев.

Мой двойник в отражении печально улыбается.

Вот такая ты теперь, Снежка. Трусиха, которую можно запугать любой фигней..

Как быстро же я забыла, с какой легкостью выдерживала давление финалов Гран-При и рев трибун на Олимпийских играх.

Забыла, с какой стойкостью сносила нападки прессы и массовый хейт после того, как меня обвинили в допинге.

Держалась даже тогда, когда меня лишили первого места и олимпийского золота, стерли все мои заслуги одним росчерком.

Стискивала зубы, лежа на льду после неудачной поддержки и падения.

Вжимала кулаки в матрас больничной койки, слушая свой приговор.

Я все это стерпела, запечатав эмоции в ледяную броню.

А тут... какой-то мажорный выродок в мокрой футболке смог выбить меня из колеи за пять минут?

«Ты больше не на льду, Кара. Здесь нет честных соперников», — напомнила себе. Да и, как оказалось, честность давно не в фаворе, если дело касается высших наград.

А кто есть? Есть хищники.

Беспринципные. Избалованные. Привыкшие к вседозволенности и безнаказанности.

И я растерялась от соприкосновения с этим новым миром.

Как новичок на первом старте — допустила ошибку и показала слабинку.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Знакомая боль — яркая, настоящая.

Этот наглый пошляк думает, что одержал победу? Что я — легкая добыча?

Я медленно распрямила плечи. Взгляд двойника из растерянного и злого стал... оценивающим. Холодным. Расчетливым. Как перед сложным прыжком. Как перед выходом на лед в решающем прокате.

Ледяная королева не сбегает. Она возвращается. И наносит ответный удар. Точно. Безжалостно. Элегантно.

Уголки губ сами собой приподнялись в едва уловимой, леденящей улыбке.

— Ты хотел игру? Ты получишь войну. И проиграешь. С треском, — прошептала я и поставила кубок на тумбочку рядом с кроватью.

Утром я иду в универ в боевом настроении, готовая дать отпор любому, кто посмеет меня задеть.

Но, когда я вхожу в аудиторию и бросаю взгляд наверх — боевой запал гаснет.

Наглого хама там нет.

※#####

8. Бес. Овечка и пастух

— Саш! — зудит над ухом, голова тут же разрывается фейерверками. — Ну Са-а-аш, вставай уже!

Леська — зараза такая — проходит и распахивает шторы. Солнечный свет гвоздями впивается в веки, едва не вышибая слезу.

Со стоном отворачиваюсь в другую сторону, зарываясь в подушку.

Во рту сушняк, язык распух и прилип к нёбу. Тело — сплошной синяк. Болят даже ебанные ресницы.

— Александр Михайлович! — звонко восклицает сестра. Запрещенный прием, кстати. Ненавижу это сочетание до сблеву.

— Он сдох, — рычу, мечтая придушить мелкую.

— Саш, отвези меня в школу, — не сдается эта зараза.

Еще и топает как слон.

Сон делает мне ручкой, а вот жесткое похмелье съебаться забыло.

Сука, как болит-то всё.

— М-м-м, — нечленораздельно мычу в подушку.

— Это значит «да»? — тут же с надеждой напоминает о себе Леська.

— Это значит «свали отсюда и закрой дверь с той стороны»! — огрызаюсь и сажусь на кровати.

Ебать. Этот мир явно против меня.

Прижимаю ладонь к гудящему лбу. Чтоб я еще хоть раз выпил у Сафонова что-то крепче пива!

— Ну Са-а-аш, тебе сложно, что ли? — Леська, естественно, никуда не уходит.

Мелкая зараза меня не боится.

— А водители уже как вид вымерли? — спрашиваю, шаря под подушкой в поисках телефона.

— Ты папу, что ли, не знаешь? — фыркает сестра, закатывая глаза. — Сказал, что двоєчницу пусть возит общественный транспорт.

— Прямо-таки двоєчницу? — не верю сказанному, найдя наконец смартфон.

— Четверки в его системе координат приравниваются к двойкам, — тяжело вздыхает Леська. — Ну так подвезешь?

— Неа, — зеваю. — Я сегодня не планирую слушать лекции с задротами.

Спихиваю одеяло и в одних трусах направляюсь в душ.

Леська прется следом.

— Эй! — Упираю руку в дверной косяк. — Я вообще-то голый...

Мелкая показательно прижимает ладонь к лицу:

— И что я там не видела? Трясетесь над своими крохотными игрушками, будто там из золота все отлито!..

— А ну брысь отсюда! — рычу на нее.

Смеясь, Леська сваливает.

Качаю головой. Видела она, блять! Башку оторву тому, кто посмел ей свои «игрушки» показывать, и в жопу затолкаю.

За сестру я носы ломаю с того, момента, как Леське стукнуло шестнадцать.

Она сводная, вообще-то. Но мы с ней получились удивительно похожими, будто батя умудрился свою ДНК размножить без участия матерей.

Прошел год после смерти мамы, когда они с Ольгой переехали сюда, в дом отца. Леська меня поначалу дико бесила — вечно ноет, жалуется и трогает мои вещи. Мне даже казалось, что я ее ненавижу. Ее-то мама жива. А потом прошло.

Леська нормальная девчонка, с ебанцой, конечно, но своя.

Врубаю тропический душ на максимум, делаю воду похолоднее и пытаюсь изгнать из башки похмелье.

Уже в комнате беру телефон. Куча уведомлений. Смахи-ваю их не глядя.

Сафонов в сети. Тим будто чувствует, пишет: «Готовь свой байк».

Следом летят мемы.

Быстро печатаю ответ: «С хуя ли?»

«Твоя жертвенная овечка тут рядышком пасется...» — прилетает от Тима. — «И даже травку жуёт».

Тим загружает фотку из столовки, где за дальним столом сидит Кудряха в компании какой-то девчонки. Сидят, лыбятся.

На несколько секунд зависаю взглядом на профиле Кудряхи.

«Ты чего-то попутал», — отбиваю Тиму. — «Готовься потрошить папочкину кредитку».

«Думаешь?» — пишет он. — «А мне кажется, у твоей овечки уже есть пастух».

Следующее фото вызывает во мне прилив бешенства.

####>#

9. Бес. Спешу

Ебанный Чума! Стоит рядом с ней и скалится так, что руки сами собой сжимаются в кулаки.

Даже башка проходит.

Совсем охуевший, раз осмелился подкатить свои яйца к моей Кудряхе. Он больше не жилец.

«Скоро буду», — коротко отписываюсь и сворачиваю чат.

В крови кипит коктейль из тестостерона и чистого бешенства. Остатки алкоголя выжигаются моментально.

Одеваюсь, поглядывая то на часы, то в окно. Солнечно, будто и не вчера воды было по самые яйца.

Спускаюсь вниз. На кухне, игнорируя нашего повара, Ольга сама готовит завтрак.

Хмурая Леська сидит тут же и пьет ягодный смузи из высокого стакана. При виде меня в ее глазах вспыхивает надежда, но я показательно поднимаю вверх мотошлем, и сестра тут же сникает.

Батя запрещает Леське гонять со мной на мотике. Категорически. И впервые я с ним солидарен. Моя манера езды травмоопасна. Для тонкой девичьей психики так точно. Обледается еще.

— Доброе утро, Саша, поешь что-нибудь? — Ольга, как всегда, сама доброта.

— Доброе. Спасибо, некогда, — отмахиваюсь и достаю из

холодильника энергетик.

Леська, кривляясь, беззвучно повторяет мои слова, а потом показывает мне фак.

И эта туда же?

Отпиваю из банки и молча показываю ладонью: «Борщишь».

«Неа», — качает головой эта зараза и, чмокнув губами воздух, сбегает из кухни, пока не получила поджопник.

Иду следом и на крыльце сталкиваюсь с отцом.

Батя не в духе. Морщится, окатывая меня уже привычной порцией презрения.

С похуизмом выдерживаю его взгляд. У меня противоядие, ага.

— Зайди ко мне в кабинет, — бросает, не потрудившись даже пожелать доброго утра.

Они у него строго дозированы. По пятницам гудморнинги, по субботам пряники, в остальные дни розги и пиздюли.

А сегодня вторник. Смекаете, чем пахнет?

— Я спешу, — сообщаю ему, собираясь свалить, но моего батю отливали на одном заводе вместе с Терминатором.

— В кабинет. Быстро, — роняет веско и скрывается за дверью.

Наплевав на обувь, иду в отцовский кабинет. По пути ловлю в зеркале свое отражение — рожа помятая, щетина вылезла.

Ухмыляюсь. С таким дано только телок охмурять.

Прости, Кудряха, спешу к тебе, как могу. Сейчас опиздюлюсь по-быстрому, на коня — и в путь. А впечатлять буду в другой раз.

##>###

10. Бес. Старик

Старик в кабинете уже на своем троне, буравит меня тяжелым взглядом.

Падаю в кресло «унижения». Оно попроще отцовского, и по ощущениям — шутка про пики точеные родилась после того, как жопа юмориста отлепилась от сидушки этого кресла.

— Ознакомься и подпись поставь, — отец двигает в сторону меня какие-то бумаги.

Давлю в себе раздражение и пробегаюсь глазами по строчкам.

Мозг, надроченный за годы тренировок, почти не дает осечек. Если не знать, что у меня с буквами особая, блять, любовь, то читаю я бегло.

Очередной протокол какой-то акционерской мути. У меня в семейном холдинге пакет со скромными десятью процентами... и вечной порнухой с документами.

— Сложно-о-о, — тяну издевательски и толкаю бумаги к отцу. — Давай по-старинке, через рот?

Вижу, как его это калит. Но не могу себе отказать в этом удовольствии, потому что все детство я слушал...

— Имбецил, — режет батя, играя желваками.

И это еще мягко.

— Какая яблонька, такие и яблоки, — развожу руки.

Бумаги летят мне в лицо. Уклоняюсь, лениво смахнув с колена последний лист.

— На следующей неделе голосование акционеров, — отец без лишних слов переходит к сути: — Ты отдашь свой голос за меня.

Хмыкаю и нахально закидываю ноги в кроссах на стол.

— А что мне за это будет? Ламбу вернешь?

— Убер-р-ри ноги, — тут же рычит, брезгливо кривя губы. — Ты не в своем свинарнике. Машину получишь не раньше, чем через месяц.

Все еще помните, что батя и Теминатор братья? Так вот, у бати прошивка кривая. И я знаю, как вывести его из себя.

— Ок. — Тут же покладисто выбираюсь из кресла «унижений» и спешу к двери. — Нет, так нет. Я тогда в свинарник. Увидимся. Не раньше, чем через месяц.

— Александр! — гремит за спиной.

Терпеть не могу свое полное имя. Закатываю глаза, губами суфлируя дальнейшие слова.

— Я еще не закончил!

Все, как всегда.

Сейчас поорет, прочитает мораль и выпнет меня за ворота, как последнего маргинального отброса. До следующего сеанса отцовской любви.

Вот только я не собираюсь облегчать задачу любимому папочке.

Ему нужен голос в совете? Окей. Мне нужна моя тачка.

— Извини, не могу. Нужно еще столько дел переделать...

Например, снять шлюх, закинуться запрещенкой, полирнуть все сверху порцией убойного пойла и подохнуть где-нибудь в подворотне. Но сперва выбить Чуме санфаянс во рту, трахнуть Кудряху и выиграть спор.

Даже не знаю, что, блять, предпочтительнее.

Отец показательно гремит ящиками стола.

Оборачиваюсь и успеваю поймать брелок от машины. Зажимаю ключи в кулаке, не скрывая победной ухмылки.

— Собрание акционеров. Твой голос, — обрубает устало.

— Подпиши.

Толкает снова бумаги по крышке стола.

— Поставь за меня крестик.

— Сядь и подпиши!

Тяжелый взгляд отца гвоздит к месту, но у меня уже иммунитет за столько лет выработался. Но сегодня я не настроен на масштабные боевые действия, поэтому возвращаюсь в кресло.

Реально хочу отсюда свалить.

Весь этот напидоренный до блеска дом вызывает у меня рвотный рефлекс.

Музей, блять.

Жалко только Леську. Ей выбора никто не предоставлял.

Батя тычет пальцем в нужные строчки:

— Здесь... и здесь.

— Нахрена я там тебе нужен? — Оставляю автографы. —

Или надоело, что дед вечно нагибает тебя?..

— Поговори мне еще! — Батя багровеет от гнева. — Еще не дорос, щенок, чтобы голос иметь. Продолжишь в том же духе и поедешь по плацу маршировать.

— Так я ж не призывной. Учеба, все дела, — напоминаю с приклеенной ухмылкой.

— Ты уже кандидат на вылет, — громыхает в ответ. — Шляешься черте где... Учеба у него!

— Ну я же сдаю сессии... — лениво пожимаю плечами.

— Ты их покупаешь! — он это выплевывает, глядя на меня как на дерьмо, испачкавшее подошву его дорогого ботинка. — А я тебя предупреждал, если за ум не возьмешься — армия ждет не дождется такого бойца. И уж поверь, я похлопочу, чтобы с тебя семь шкур там спустили.

Ебать, его закоротило!

#####

11. Бес. Карина, значит?

— Так у меня ж отвод. Группа здоровья не позволяет, и это, как его... — Щелкаю пальцами. — Плоскожопие!

— Шут. Не переживай. Тебя возьмут на особых условиях. Будешь днем марш-броски проходить, а ночью устав с тумбы читать!

Во мне вскипает гнев на отца. Он это сейчас серьезно?

Встаю и с издевкой произношу:

— Ну тогда, пока я на гражданке, пойду пушусь во все тяжкие? Рожу татухами забью, каминг-аут устрою, чтобы пацины точно знали, какой с ними служит пидо...

— Молчать! — взрывается отец, ебнув по столу кулаком. — Еще хоть слово, и ты прямо сейчас туда отправишься!

В голосе отца неприкрытая угроза. Чувствую, как напрягается тело, ожидая удара.

Но мне уже не десять, и сейчас батя рискует получить в табло ответку, подними он на меня руку.

— Понял, принял. Разрешите идти?

Встаю и пинком задвигаю кресло под стол.

— А то не все еще радости жизни успел перед службой хапнуть. Вдруг мне там задницы не понравятся?

— Ублюдок! — ревет батя.

— Ошибаешься, меня ты наеб в браке, — заряжаю, наслаждаясь бешенством во взгляде отца.

— Вон! — рывкает и дергает узел галстука.

У самой двери меня догоняет хедшот:

— Видела бы мать, во что ты превратился.

Спина каменеет, пальцы с силой сжимают ручку двери.

Видела бы она, во что превратил меня ты, папа.

Не отказываю себе в удовольствии ебнуть дверью от души.

Во рту горько. Очень горько. Что-то темное, едкое, знакомое до тошноты кипит в груди.

Злость. Холодная, черная, как нефть. На отца. На маму за то, что оставила меня. На весь ебанный мир. И на себя. Особенно на себя.

Внутри все клокочет от злости. Я как бомба с последними секундами на таймере. Хочется взорвать все к чертям.

Но это будет слишком просто.

Мне нужно выжечь изнутри эту черноту.

Слетаю по ступеням и рывком надеваю шлем. Запрыгиваю на байк. Поворот ключа, газ на полную. Заднее колесо идет юзом, и мотоцикл с визгом срывается с места.

Мне нужна скорость, адреналин и чувство, что жизнь на волоске.

Вылетаю на трассу и ускоряюсь, забив на знаки и разметку. «Дьявол» летит стрелой. Мир вокруг сливается в одно сплошное пятно.

Свист ветра и рев мотора глушат все звуки. В голове бьется одно слово.

Ненавижу.

Как же я его ненавижу!

Стискиваю ручку газа, и, положив стрелку спидометра в горизонталь, сливаюсь с байком.

Еще быстрее. Еще!

Ощущение полета пьянит. Вот она свобода!

Впереди фура. Ухожу на обгон.

Блять!

Дергаю рулем вправо, в свою полосу, в последний момент успеваю разъехаться с выскочившим на обгон геликом. Подрезаю тонар. Сзади — визг шин и оглушительный гудок.

В груди все рвет от пиздеца.

Через пару километров останавливаюсь на обочине. Стаскиваю шлем.

Руки дрожат, сердце лупит в ребра так, будто сейчас проломит. За шумом крови в ушах, едва разбираю другие звуки.

Дышу. Громко, судорожно. Накачиваю легкие кислородом и загоняю всех демонов обратно в клетку.

Жив. Все еще жив.

Телефон вибрирует входящим сообщением.

Тим.

«Зацени, чо нарыл».

И ссылка.

Спортивный новостной портал. Какой-то дебильный заголовок про фигурное катание.

Чо за хуйня?

Я по диагонали скролю, пролистывая текст, пока не дохо-

жу до фото. Палец замирает. Увеличиваю картинку.

Пара. Стоят в обнимку. Тощий хлыщ в костюме с блестками и Кудряха. Другая совсем. Волосы убраны, мейк и улыбка — широкая, настоящая, — до ушей. Кудряха вся светится от счастья и прикусывает зубами золотой кругляш медали.

Не с первого раза разбираю подпись: «Сенсация! Карина Снежина и Марк Абрамов – Олимпийские чемпионы! Российская пара сотворила чудо на льду Ванкувера!»

Олимпийская чемпионка.

«Тебе пизда, брат!##» — не унимается Тим.

Шлю его на хуй, ощущая как просыпается азарт.

Карина, значит?

Жди меня, дорогая.

#####*#

12. Кара. Бес, значит?

Первую пару сижу как на иголках.

Мне все время кажется, что шепотки за спиной — обо мне. Неприятное, зудящее чувство проходит только к концу второй пары.

Напряжение спадает, как обычно, в такие моменты просыпается голод, и я решаю сделать вылазку в местную столовую.

Народу — тьма.

Игнорируя фастфуд, ограничиваюсь безопасным на вид салатом из огурцов и помидоров и коробочкой яблочного сока.

Столик у стены — так удачно расположенный подальше ото всех — как раз опустел, и я поспешила его занять.

В последние сутки ко мне слишком много внимания, и это бесит.

Я чувствую их. Взгляды. Любопытные, наглые, оценивающие.

Сохраняя внешнее спокойствие, продолжаю есть безвкусный салат, по привычке в уме подсчитывая калории.

Несколько раз четко улавливаю свою фамилию.

Началось.

Если вы думаете, что меня в лицо знает вся страна — вы ошибаетесь. Без своего сценического образа с ярким макия-

жем и зализанными в тугой узел волосами я — обычная де-
вушка.

У меня не вытатуированы на лбу пять олимпийских колец. За мной не бегают по пятам фанаты умоляя об автографе и не бросают вслед мягкие игрушки. Моей фамилией не названы улицы или скверы, а имя не дают новорожденным девочкам.

Нет, те ребята, кто в спорте, конечно, меня знают.

Но, давайте будем честны, это не многомиллионная армия, какой может похвастаться какая-нибудь популярная девочка из нельзиграма с кучей смешных рилсов.

Время не стоит на месте. После моей «отмены» прошло больше года. За это время в мире произошло слишком много событий, чтобы кто-то продолжал следить за одной оступившейся фигуристкой.

И если мое имя и всплывает в разговорах, то только в паре с просранным золотом в Ванкувере. Первое место тогда отдали японским фигуристам.

— Привет. Можно к тебе? — раздается рядом.

У моего стола с подносом в руках застыла миловидная шатенка.

— Все места заняты, — продолжает она с извиняющейся улыбкой.

— Да, конечно, — киваю я, убирая рюкзачок со свободного стула.

— Спасибо! Я Полина, кстати, — представляется она, уса-

живаясь рядом. — Можно просто Поля.

— Карина, можно просто Кара, — отвечаю в тон.

— Ты новенькая, да? Я тебя видела на социологии, — Поля склоняется чуть ниже. — Когда ты при всех опустила Беса. Дерзко, кстати. Давно его никто так не посылал, — шепчет она восторженно.

Я лишь пожимаю плечами, вонзая вилку в кусочек безвкусного огурца.

«Послала» — это громко сказано.

Бес, значит? Ему подходит это прозвище.

— А что, этот Бес из касты неприкасаемых? — Заламываю бровь и делаю пальцами кавычки.

Поля фыркает:

— Скажешь тоже! У нас тут не Болливуд! — Ее улыбка становится шире. — И если уж делить всех на касты, то Алекс Бессонов со своими друзьями из небожителей. — Она повторяет мой жест с кавычками.

— Вон они, кстати, сидят.

Поля едва заметно мотает головой в сторону стола с большой компанией за ним, а я чуть не роняю вилку.

Он здесь!

Я перебегаю глазами с одного лица на другое, но...

— ...но Беса что-то не видно, — новая знакомая будто читает мои мысли. — Хотя он редко когда к первым парам появляется. А его дружки... Вон тот, белобрысый и с татухой на шее — Тимофей Сафонов. Бабник и шутки у него всегда

ниже пояса. У его отца медицинские центры по всей стране. Слева... с бритым затылком — Всеволод Панченко. Наследник алмазной империи. Боксер, но говорят, что его несколько раз видели на боях без правил. Жуткий он какой-то. Тихий с виду... а как подумаю, что он одной левой уложить может... Б-р-р. — Поля передергивает плечами. — Смазливый шатен в красном худи — Камиль Хасанов. Он...

Поля поджимает губы и отводит взгляд.

Кошусь в сторону мажоров. Этот Хасанов как раз залиvisto смеется, пихая в плечо парня с большим родимым пятном на щеке.

— Все нормально? — уточняю у притихшей Полины. — Он тебя обидел? Хочешь, я ему тоже фак покажу? Или вылью сок прямо в лицо. Мне не сложно.

Она несмело улыбается:

— Не нужно. Но, спасибо, я оценила твою доброту.

— Ты не сказала, чем знаменит его папочка. — Делаю глоток сока. — Я же верно подметила, что все они — детки богатых родителей? У этого Камилля тоже предок алмазы добывал?

Поля качает головой, и ее хвост на макушке подпрыгивает в такт:

— Нет, у него дед дипломат, а папа прокурор.

— А Бес? — вдруг вырывается у меня.

— У его отца крупный строительный бизнес, если я правильно помню, — Поля хмурится, а потом громко вздыхает.

ет: — Алекс из этой золотой четверки самый опасный. Будь с ним осторожна. С виду он, конечно, красавчик. Но... — она делает паузу, будто подбирает слово, — он непредсказуемый. И привык получать то, что хочет. Здесь каждая вторая девчонка мечтает залезть к нему в постель...

— А каждая первая в ней уже побывала, — не удерживаюсь от шпильки в адрес придурка.

Поля прыскает в стакан с компотом, я тоже не сдерживаю улыбку.

Вот как. Выходит, вчера я оттоптала нежное самолюбие местному принцу.

Умеешь ты, Риш, находить приключения на свою задницу!

— В общем, все они не простые мальчишки, а золотые, — весело говорит Поля.

— От которых стоит держаться подальше, — заканчиваю за нее мысль.

Я в принципе и не планировала сближаться. Тем более с таким наглецом, как этот Бес.

#####

13. Кара. Та самая

Пока Поля приканчивает свой обед, я кошусь в сторону компании. Неожиданно блондин, которого Поля назвала Тимофеем Сафоновым, поворачивает голову. Он ловит мой взгляд и нахально мне подмигивает.

Отвожу свой и напарываюсь на неприязнь в глазах брюнетки со стильным каре. Она что-то говорит своим подружкам, и те как по команде косятся в мою сторону. Это что за коллективный хейт?

— Поль, а ты не знаешь девушку, которая сидит за столиком у окна? Стильно одетая, с карешкой и...

— Брюнетка со стервозным выражением на лице? — Поля удивительно точно описывает ее.

— Ага.

Взгляд ее становится осторожным.

— Это Вика Лапина. Внучка ректорши и та еще заноза в заднице.

— С ней тоже лучше не связываться? — решаю схохмить, но к моему удивлению Поля серьезно кивает:

— Именно. Она издевается над девчонками не ее круга и считает Беса своей собственностью, — Поля понижает голос до шепота. — Она злая, как оса. И мстительная. Если она увидит, что Алекс на тебя обратил внимание... Тебе это может не понравиться.

— Пусть тогда наденет на него ошейник и держит поближе к ноге, — бравирую, деланно пожимая плечами.

Отлично. Мажор-хам, приятели ему под стать и ревнивая стерва с манией величия. Ну просто фантастические твари. И я в среде их обитания.

— Знаешь, — произношу я с горьковатой усмешкой, отодвигая пустую тарелку. — Я начинаю чувствовать себя неуклюжей Беллой Свон в этом сумеречном городке. Осталось только нарваться на парочку вампиров.

Поля отзывается тихим серебристым смехом.

— Тогда я чур буду Элис! — объявляет она. — Милой и чудаковатой.

Компания девиц с Лапиной во главе проходит мимо нас.

— Та самая... ага... Снежина... допинг... слышала, у нее была предельная концентрация... — доносятся до меня обрывки их разговоров.

Замираю. Все внутри сжимается в тугую пружину.

«Я ничего не принимала!» — хочется закричать, как тогда, в Ванкувере, когда моя проба неожиданно показала запрещенный препарат. Мне никто не поверил. Повторная проба подтвердила допинг, а я навсегда утратила доверие тренера, команды, друзей.

Нет, Каргина не сказала мне этого прямо. Но я чувствовала, что больше не могу рассчитывать на ее хорошее отношение ко мне.

А потом, через месяц, выполняя сложную поддержку,

Марк запнулся, и я рухнула на лед. В тот вечер моя карьера закончилась.

— Ты... — Поля мнетя и, прикусив губу, уточняет: — Ты правда та самая? Карина Снежина?

Вот оно.

Я киваю, не глядя на нее, ожидая потока вопросов.

— Мой младший брат фанатеет от хоккея, — произносит Поля неожиданно просто, как будто мы говорим о погоде. — А мама обожает фигурное катание. Она болела за тебя на чемпионате Европы и на Играх. Ты была невероятна! — В ее голосе нет ни жалости, ни любопытства к скандалу. Только искреннее восхищение.

Неожиданный комок подступает к горлу. Я хватаю сок и делаю вид, что пью.

— Спасибо тебе, Поль, — выдавливаю я.

Вкладываю в это простое слово всю свою благодарность за то, что она проявила такт.

— Как тебе препод по английскому? Скажи, настоящий зануда! — Поля легко переводит тему, и я подхватываю.

Мы болтаем еще пару минут о непростых буднях студентов третьего курса, когда рядом с нами появляется высокий рыжий парень. На симпатичном лице широкая улыбка, но слишком светлые глаза пугают.

14. Кара. Он всё слышал

— Прекрасного вам дня, леди, — произносит он удивительно мягким, даже приятным голосом.

И вроде обращается к нам обеим, но смотрит только на меня.

— Разрешите представиться? Антон Чумаков. Я имел удовольствие видеть вас на социологии... — Он слегка склоняет голову, а потом продолжает уже веселым тоном: — Все, девчонки, простите, но у меня словарный запас этой высококоранговой чуши закончился! Аж зубы свело.

Невольно улыбаюсь и вслед за Полей представляюсь.

— Снежина, да? Мы с тобой коллеги, выходит, — кивает Антон.

В его глазах мелькает что-то неуловимое. Не восхищение, как у Поли. Что-то другое. Любопытство?

— Тоже фигурка? — не скрываю своего удивления, оглядывая крепкие руки парня и его внушительный рост. — Или хоккей?

— Неа, баскет. Предпочитаю крепко стоять на ногах, а не отбивать задницу об лед. — Антон показывает в улыбке ровные белые зубы и достает из кармана джинсов яркие флаеры. — Вот. У нас в субботу матч. Будем политех рвать. Если интересно... — Он кладет билеты на стол рядом с моим подносом. — Буду рад вас видеть в числе наших болельщиц.

Не дожидаясь ответа, Антон кивает и пружинящей походкой направляется на выход из столовой.

— Обалдеть! — через минуту выдыхает Поля. — Ты становишься популярной! Сначала Бес, теперь Чумаков...

— Он был довольно мил, — осторожно начинаю, но тут Поля смотрит на часы и подскакивает на месте:

— Ай, опаздываем! Лазарева никого не пускает на семинары после начала...

После этой пары я решаю дойти до библиотеки, и Поля идет со мной за компанию, охотно делясь местными сплетнями.

— Ты после куда? — интересуется она.

— Не знаю. Домой, наверное. Я тут ничего не знаю. — пожимаю плечами. — А есть какие-то предложения?

— Меня мама попросила братишку с секции забрать. Хочешь составить мне компанию?

— Я не против. Далеко? — Останавливаюсь у двери библиотеки.

— Нет. Пару остановок от универа, — тут же радостно таторит Поля. — У нас очень крутой ледовый дворец! «Кристалл» после реконструкции не уступает столичным... Ой!

Поля резко замолкает, ее глаза становятся большими, как плошки.

— Я дура, Карин! Прости меня! Не подумала... вдруг тебе не хочется...

Качаю головой:

— Все нормально.

Я давно не выходила на лед. Не из страха. Из-за ощущения, что он больше не принадлежит мне.

Сжалось сердце. Но... не от боли. От какого-то давно забытого трепета. Как после долгой разлуки с другом.

Поля осталась ждать меня у выхода, пока я бродила между стеллажами, выискивая нужные учебники и методички.

Неожиданно в одном из томов мне попалась кем-то забытая закладка с забавной мордочкой щенка.

И я вдруг вспомнила. Свою же шутку про зоопсихологию. Ту самую, которой я пригрозила Бессонову в день нашей первой встречи.

Уголки губ сами собой дрогнули. Идея созрела мгновенно.

Сзади раздались негромкие шаги Полины.

Да, она же говорила, что тренировка брата заканчивается в три, а я тут хожу-брожу.

— Я все! — говорю, складывая последний том к той стопке книг, что я набрала. — Давай только забежим в книжный после ледового, я, кажется, придумала, что можно подарить этому придурку Бесу. Там наверняка есть руководство по дрессировке щенк..

Я оборачиваюсь и слова застревают в горле. Алекс Бессонов без улыбки смотрит на меня. Он стоит близко, привалившись плечом к стеллажу. Руки сложены на груди.

Я впервые так пристально смотрю в его лицо и замечаю

то, что до этого ускользало — у него разного цвета глаза!

Левый карий, а правый — небесно синий с золотисто-кофейной короной вокруг зрачка.

Это могло быть красиво, если бы эти самые глаза не горели так яростно.

Он слышал. Все.

Библиотека вдруг стала очень тихой и очень тесной. Воздух наэлектризовался до предела.

#####

15. Кара. Я направляюсь Бесу

Первое, что я ощущаю — страх. Он колючими мурашками ползет от затылка по позвоночнику, вниз, к самым коленям. Те резко становятся ватными, подкашиваются.

Такой Бес меня пугает. До дрожи.

Он стоит напротив. Не двигается, просто молчаливо разглядывает. Но я буквально кожей чувствую, как искрит воздух от его злости. Она исходит от него волнами, как жар от раскаленной духовки, обжигая на расстоянии.

Вся моя бравада испаряется вмиг.

Дать отпор? Поставить на место? Да, в мечтах.

А в реальности рядом со мной — чел, в адекватности которого я сильно сомневаюсь.

Лицо у него помятое, словно не спал сутки. В глазах черти, губы сжаты в тонкую линию, даже крылья носа побелели. Пальцы впиваются в мотошлем так сильно, будто на месте пластика он представляет, как сжимает мою шею.

Сглатываю, и этот звук выходит до неприличия громким.

Уголок губ Беса медленно ползет вверх, обозначая издевательскую ухмылку. Он заметил мой страх, и его это забавляет.

— И какого же щенка мне стоит дрессировать? — произносит Бес вроде спокойно, но мне от его тона становится не по себе. В нем обманчивое затишье перед бурей.

Так звучит голос, сорванный до крика. Опасно низко. Предупреждающе.

От этого мурашки атакуют меня снова. Неосознанно прижимаю стопку книг к груди. Слова застревают в горле комом. Молчу.

Пялюсь на разозленного Беса во все глаза и молчу.

— Что, один на один уже не такая смелая? — Бес склоняет голову к плечу. В его взгляде мелькает любопытство. Он будто оценивает мою реакцию.

Не показывай ему свой страх!

Разлепляю губы и произношу как можно тверже:

— Если ты решил рискнуть здоровьем и еще раз полапать мои коленки или намекнуть на еще какую-нибудь дичь, то у меня для тебя плохие новости. Это... — Тычу пальцем в увесистый фолиант на полке. — ...словарь Даля, дополненное и расширенное издание. Все четыре тома в одном. И я его обязательно использую по назначению!

— Учитаешься до смерти? — негромко фыркает Бес. Его левая бровь ползет вверх. В голосе унижительная насмешка: — Я буду скучать...

— Вобью эти знания тебе в башку, — говорю, многозначительно постукивая пальцем по своему виску. — В самом прямом значении слова!

— Жестокая какая, — тянет он. И берет том с полки, взвешивает на ладони, а потом возвращает на место. — Связки порвешь.

Впервые вижу на лице Беса подобие улыбки.

— Не переживай, на это силы хватит! — выплевываю и делаю шаг в сторону, чтобы слинять. Но не успеваю.

Ладонь Беса врежется в полку у самой моей головы, преграждая путь. Я застываю на месте. Сердце подпрыгивает в горле.

— Не так быстро, Кудряха!

Как он меня назвал?

— Я все еще жду извинений, детка. — Бес склоняется ниже, обдавая меня мятным дыханием.

— Каких? — Вскидываю на него глаза.

Наши лица почти на одном уровне, и меня это волнует сильнее, чем я ожидала.

Стреляю глазами по сторонам. Никого. Как назло эта секция библиотеки пуста и не пользуется популярностью.

Мы здесь одни, будто оторванные от остального мира. И мне не нравится эта вынужденная интимность.

— Тебе на лестнице вчера не только здравомыслие, но и память отшибло? — припоминает Бес мое позорное купание в луже.

И внутри меня просыпается злость.

— За правду не извиняются, — отвечаю с вызовом и снова попадаю в ловушку необычных глаз Беса. В них бурлит ярость, но теперь я вижу и другое: азарт, жгучий интерес.

Если бы я не знала, каким мерзким может быть этот парень, я бы первой согласилась с тем, что на вид Бес чистый

порок.

Демонически красивый. И безобразно пустой внутри.

Но вряд ли дурочки, что прыгают к нему в постель, видят что-то еще кроме красивого фантика.

И я точно не из их числа!

Собрав всю злость и ненависть, припечатываю:

— Ты озабоченный хам и придурок! Ты меня бесишь! Это факты, детка.

Я даже забываю, что мы вообще-то в библиотеке, где тишина в приоритете. Все отходит на второй план.

— Бешу, значит? — с шумом выдыхает Бес, а потом подцепляет мой подбородок, задирая его вверх.

Мамочки, что... что он делает?..

На секунду мне кажется, что Бес меня сейчас поцелует, и из-за этого сердце рвется в галоп.

Если он только коснется!.. Если только посмеет, это будет его последний день на этой грешной земле!

Но Бес не спешит подписывать себе смертный приговор.

Он смотрит на меня своими разноцветными глазами, в которых плещется ярость и что-то еще. Интерес? Удовлетворение?

— Неплохо. С этим можно работать, — говорит он непонятно.

Я дергаюсь и пытаюсь высвободить подбородок из его пальцев. Рычу в злом бессилии:

— Не смей меня трогать, придурок!

— О, я еще даже не начинал, Кудряшка. — Бес плотоядно ухмыляется и подцепляет прядь моих волос. Тянет на себя и тут же отпускает. Так по-собственнически, унизительно. — Еще не время...

— Перестань меня так называть! — взрываюсь и пихаю его ладонью в грудь. Будто стенку толкнула. Бес даже не сдвинулся.

— Оставь эти клички для своих тупых куриц. У меня, вообще-то, имя есть!

Он молниеносно хватает меня за запястье и напряженно цедит, стискивая свои пальцы:

— У меня, кстати, тоже! Но ты предпочитаешь слать меня на хуй и обзывать придурком, зато улыбаешься всяким левым уебкам!..

В его голосе обида. И это обескураживает.

— Что?.. — ахаю, ничего не понимая. — О чем ты...

— Ты мне нравишься! — произносит Бес хрипло, четко, но так, будто желает меня прибить.

Застываю пораженно.

Шок.

Кровь стучит в висках, в ушах звенит, а в груди становится тесно.

Клянусь, порази меня прямо здесь молния, я и то бы меньше удивилась.

Я. Нравлюсь. Бесу.

Обалдеть.

#####

16. Бес. Она не верит мне!

Кудряха таращится на меня своими нереально-синими глазами. Не просто удивленно — будто я вместо признания нож к ее горлу приставил.

У нее на лице шок написан крупными, жирными буквами: «ЧТО. ЗА. ХРЕНЬ. ТЫ. НЕСЕШЬ?!»

Да, детка, давай, падай к моим ногам!

Едва сдерживаю злую, циничную ухмылку.

Раскраснейся. Задрожь и растай. Ведь так это работает.

Мы с тобой круто пошпилимся, и я не просру свой байк.

Что простые давалки, что хитрозадые мажорки, что чемпионки... Все вы, дуры, одинаковые. Пальцем помани, хуйню про чувства ляпни — и вот она уже готова раздвинуть ноги в благодарность за «избранность».

Ну прямо рынок шкур. И эта столичная выскочка не исключение. Бля буду, сейчас заблеет как овца и потечет...

— Я тебе не верю! — выстреливает Кудряха вместо этого.
— Ты... ты лжешь!..

Да ну нахуй! А ты Ванга, что ли?

Закипаю моментально. Ядерный реактор внутри меня, запущенный еще с момента, как я увидел ту фотку с Чумой, не прекращает работу. Там до хуиллиона частиц пиздеца. Хватит, чтобы разнести всю библиотеку, весь универ, весь ебанный мир к чертям. И сейчас мне просто башню сорвет.

Она. Не верит. Мне.

Еба-а-ать, вот это приколот!

Отпускаю ее руку, Кудряха тут же шарахается от меня, вжимаясь спиной в стеллаж. Смотрит исподлобья. Как загнанный зверек.

А если так?

— Ты с Плутона и не веришь в любовь с первого взгляда?

Я придвигаюсь ближе. Запах ее кожи, волос — чертовский отвлекающий! Еще ближе, почти касаясь ее груди, намеренно лишая пространства для маневра.

Телки же тащатся по всей этой альфа-сигма-мути. Игра в добычу их заводит.

— Я тебя не знаю... — пищит Кудряха, покраснев как рак. — Как... как вообще можно влюби... — начинает, но отсекается, едва я прикасаюсь пальцем к ее губам.

Контакт для телочек тоже важен.

— Не знаю, — несу эту гребаную чушь, а палец скользит сначала по нижней губе, потом по верхней. Чувствую тепло и нежную гладкость. — Магия, блять, какая-то...

А вот это уже чистая правда.

Реально магия, потому что от такого простого жеста у меня уже колом стоит.

Сейчас бы... Развернуть ее к себе спиной. Задрать подол дурацкого сарафана. Нагнуть... и выдрать так, чтобы ноги еще неделю свести не могла.

Может, тогда меня отпустит?

— Не трогай! Ты мне противен! — выдает она и отворачивается, прикрыв глаза.

Ну ты еще зареви, блять!

Закатываю глаза, убираю ладонь.

Между нами колючая тишина. А по ощущениям — звуконепроницаемый барьер.

Барабаню пальцами по шлему, прожигая взглядом Кудряху.

Если честно, вот прям сейчас она меня дико бесит. Своей этой неприступностью и игрой в алтайскую девственницу. Повезло же, блять, нарваться на такую.

Нахуя я этот спор затеял? Гнал сюда, как демон, чтобы что?.. Чтобы уламывать эту столичную целку?

Да на хуй мне это не уперлось!

Надо зафиналить и валить.

— Окей. Понял. Отвалил, — выстреливаю коротко, сжимая челюсти. А потом добавляю с издевкой — похуй уже на все: — Делать-то что будем, Карин?

##\$#*#

17. Бес. Продолжай...

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — ошарашенно спрашивает, прижимая к груди свои книжонки как щит.

Косяк! Ладно, сейчас вырулим.

— А что, хочешь сказать, что еще не все обсудила обо мне со своей подружкой? — Не сдерживаю издевательской ухмылки.

У телок же язык без костей. Уверен на тысячу процентов, что она успела обсосать мою личность со всех сторон.

Судя по дикому румянцу Кудряхи, я ни разу не ошибся.

— Н-нет... в смысле, да... Черт бы тебя побрал, Александр Бессонов! — Кудряха зло сжимает кулачок. — Кто так задает вопросы?

Снова эта трансформация в боевого котенка. Мило.

Меня на секунду отпускает.

— Запомни на будущее. Я ненавижу, когда меня зовут полным именем, — предупреждаю, впиваясь взглядом в ее упрямую мордашку.

Глаза Кудряхи мстительно сужаются. Эта заноза в заднице точно собирается что-то выкинуть, но я успеваю первым:

— Если не хочешь, чтобы я перешел к следующей стадии наших отношений, не произноси эти девять букв. Для тебя я Алекс, Лекс... но можешь сразу называть Любимый.

С каждым моим словом в голубых глазах Кудряхи зреет

протест.

— Может, сразу Моим господином величать твое мажорское величество? — ерничает и показывает зубки.

— Я думал, ты не предложишь, — широко улыбаюсь.

Прикол, но меня это противостояние начинает забавлять.

Мы с ней как два скорпиона в банке — кто кого ужалит первым.

— Я же сказала, что ты мне не нравишься! — Кудряха всей своей позой выражает протест.

Не знаю, как это работает, но сейчас я почти в норме. И больше не хочу ее прибить.

— Я помню, что ты сказала, — киваю. — И там точно не было этого слова. С остальным можно работать...

— Ты ненормальный! — Она едва не топает от злости. — Если ты решил, что я поведусь на твой тупой розыгрыш, то ты еще тупее, чем я о тебе думала, Алекса...

Грожу ей пальцем, пресекая дальнейший поток слов. Склоняюсь к ее ушку. Шепчу, намеренно задевая губами розовую раковину:

— Я тебя предупредил, но если ты так сильно хочешь со мной переспать, продолжай...

Кудряха замолкает в ту же секунду. Взгляд — разрывная граната.

— И, кстати, меня радует, что ты думала обо мне.

Вдыхаю ее запах. Ловлю себя на желании коснуться языком мочки уха. Влажно провести до чувствительной точки

под челюстью.

Ныряю глазами в скромный вырез ее сарафана. С высоты моего роста вид — на миллион! Упругие подружки манят с ними поиграть.

Тело реагирует моментально — напряжение в паху становится болезненным, сердце рвет к сотке за пару секунд.

Чертова девка, с ума меня сведешь!

— Быстрее ад замерзнет, чем я это сделаю! — выплевывает она, гневно раздувая ноздри.

— Посмотрим, — легко соглашаюсь, отступая назад. — А пока, давай-ка...

Забираю у нее стопку книг одним движением. Разворачиваюсь и шагаю в сторону выхода.

— Что... что ты делаешь? — Летит мне спину возмущенный вопль. Следом слышу торопливые шаги.

— Это мои книги! Отдай сейчас же! — шипит на меня Кудряха, пока я складываю стопку на ресеп и прошу записать их на имя Карины Снежиной.

Забавно, что она никуда не уходит, продолжая чертыхаться под нос и сверлить меня злобным взглядом.

Вываливаемся в коридор.

— Отдай мои книги, — требует Кудряха сердито.

— А волшебное слово?

— Быстро!

Молча продолжаю ждать.

— Просто. Отдай. Мои. Книги. Алекс, — цедит она, скла-

дывая руки на груди.

— Сложно? — поворачиваю к ней голову.

— Что? — она обескураженно подвисает и даже забывает, что секунду назад хотела отобрать у меня свои книжонки.

— Сложно было назвать меня по имени? Тошнит? Голова кружится? — спрашиваю, зажимая пять бесполезных для меня томов подмышкой.

Бумагу я читаю редко, но у меня есть план. И как любой план, он начинается со стратегии. Если этой козе нужен повод, чтобы продолжать со мной общаться... что ж, я его только что создал!

— В трусах пожар? — добавляю провокационно, и Кудряха наконец отмирает.

— Ты ненормальный!

— А ты повторяешься, — не могу сдержать улыбку, наслаждаясь ее реакцией.

Кудряха, осмелев, тянется ко мне в попытке забрать свое. Поднимаю книги над головой.

— Неа. Это я оставлю в залог.

— Какой еще залог? — рычит она, сердито сведя брови.

— Твоей доброй воли... — делаю паузу для эффекта, ловя ее свирепый взгляд. — ...и нашего дальнейшего общения.

Кудряха выразительно демонстрирует закат глаз, но уже не спорит. Молчит, сжав губы в одну линию.

Выходит, этот раунд — снова мой. Чекпоинт: Алекс — 2, Кудряха — 0.

Меняю тактику. Сбрасываю обороты борзоты, включая мнимое миролюбие. Голос — ровный, почти дружелюбный: — Диктуй номер.

— Зачем еще? — ершится, поглядывая по сторонам.

Да, детка, у нас появились зрители. Пара ботанов застыли у входа в библиотеку и не сводят с нашей парочки глаз. Публика Кудряху явно нервирует, и я дожимаю:

— Чтобы слать тебе дикпики, конечно же.

— Пошляк!

Ухмыляюсь во весь рот и показываю ей свою добычу:

— Тогда готовься к тому, что я верну из со своим автографом. — На секунду умолкаю, чтобы добить контрольным: — И расписываться буду... членом. На каждой странице. Ты сгоришь со стыда, когда будешь объяснять нашей библиотичке историю этих отпечатков...

— Ты гребаный извращенец! — пищит Кудряха, и румянец заливаает ее щеки, шею и грудь.

Прелестно.

— Я тоже без ума от тебя, детка! — Развожу руками. — Давай, я жду.

Секунду Кудряха раздумывает. Вижу, как в ее голубых глазах мелькает расчет, а потом — озорная искра. Губы складываются в ехидную улыбочку.

И она выстреливает очередью... на китайском.

Бегло, без запинки «шушукает» эту тарабанщину.

— Надеюсь, все запомнил, любимый? — спрашивает она

сладким голоском, едва заметно поднимая бровь.

И, не дожидаясь ответа, довольная собой сваливает в закат.

Мозг, заточенный запоминать любую информацию, пытается воспроизвести этот странный, мелодичный шифр.

Пиздец!

На этот раз я не собираюсь за ней бежать. Просто смотрю ей вслед.

Чувствую странную смесь из досады... и уважения.

А ты та еще штучка, Карина Снежина!

Чекпоинт: Алекс — 2, Кудряха — 1.

Но я же обещал тебя удивить?

18. Кара. Он мне не нравится!

— Он прям так и сказал: «Ты мне нравишься»? — Поля недоверчиво косится на меня, ее брови почти улетают к линии роста волос.

Киваю, все еще ощущая под ногами зыбкую почву этого театра абсурда.

— Ты сама веришь в эту чушь? — она не отстает, и я громко, почти истерично, фыркаю, пытаюсь сбросить наваждение:

— Вот еще! Нет, конечно. Он меня бесит! Так бы и придушила этими руками!

Я строю зверскую мину и скручиваю пальцами воздух. При этом представляю на его месте шею, на которую прикручена башка дерзкого мажора.

Поля заливисто, звонко смеется, но резко обрывается. Она воровато оглядывается, сканируя пространство, будто ожидает увидеть в тени тополей высокую, широкоплечую фигуру Беса.

— Ну да... только полная идиотка поведется на такой развод. — Качает она головой. Ее голос звучит резко, с неприкрытым скепсисом. — Слухов море ходит. За эти три года Бес сменил столько девчонок — считать устанешь. Кто-то даже трепался, что одна после него чуть в психушку не угодила — бедняжка не смогла пережить, что он ее бросил

как использованный презик. — Морщится, произнося это. — Фу! Это почти цитата. Но Бес, и правда, умеет так обращаться... как с вещью. Играет. Ломает.

Рациональная часть меня соглашается с Полей. Во всем. Абсолютно.

Интерес Беса странный, нелогичный... Он сам — взрывной. Хаотичен, как ураган, и также разрушителен. И вообще, он мне не нравится!

Он воплощает в себе все то, что я презираю в людях: наглость, вседозволенность, грубость, цинизм.

Его слова — явно часть какой-то грязной игры, правила которой я не знаю.

Но есть и другая часть меня. Маленькая, глупая, запрятанная так глубоко под слоями самоконтроля, дисциплины и всех «надо» и «через не-могу», что я почти забыла о ее существовании. Эта часть верила в бескорыстность, в искру первого взгляда, в розовых пони и хеппи-энды.

И она, оглушенная годами сурового спорта, где не было места ничему, кроме победы и боли, вдруг жадно зацепилась за эти три простых, как скольжение по дуге, слова:

«Ты мне нравишься».

У меня за всю жизнь не было ничего похожего на серьезные отношения. Профессиональный спорт с его каторжным режимом, постоянными сборами, тотальным контролем над телом и мыслями — он не терпел конкуренции. Любовь была роскошью, на которую не было ни времени, ни сил, ни раз-

решения. Только лед, прыжки... и «золото». И вот теперь, когда золота нет, а лед стал зоной отчуждения...

Оказывается, этой розовой, наивной и чертовски эгоистичной части меня дико польстило это внезапное, грубоватое признание самого харизматичного мажора универа.

Даже сквозь толщу недоверия и злости пробился теплый, стыдный лучик удовольствия.

Неужели я такая дура?

Мысль пронзает, как зубцы лед, заставляя сбиться с шага.

А как иначе объяснить, что вот уже добрых десять минут слова Беса — эти клятых слова — продолжают крутиться в голове навязчивой каруселью.

И всякий раз, когда я их ловлю, происходит одно и то же: сердце дергается, как пойманная рыбка на крючке, щеки вспыхивают предательским жаром, а в груди растекается что-то густое, сладкое и приторное до тошноты — будто выпила стакан неразбавленного сиропа.

«А что, если Поля права?» — холодная волна страха гасит внутренний пожар. На смену ему приходит что-то темное, тревожное.

Что, если цель Беса — унижить меня, доказав свое превосходство? Заставить поверить, а потом — посмеяться, показав всем, как легко олимпийскую чемпионку превратить в дуру, мечтающую о внимании местного принца-негодяя?

Чертов Бес. И его чертово «нравишься»... Оно висит в воздухе плотным, ядовитым облаком и отравляет мои мыс-

ли.

И самое ужасное — я не знаю, как вытравить эти слова из головы.

##✕####

19. Бес. Клоуны

— Дарю, — протягиваю стопку книг Тиму.

Друг отстраняется от меня, как от прокаженного, округляя глаза:

— Нахрена мне твоя макулатура?

Пацаны тут же подхватывают, ржут как кони.

— Бес, тебе ветром мозги выдуло? — Сева приглядывается к корешкам книг. — Латынь, бро?

— Не хватает окуляров и будешь вылитый задрот! — посмеиваясь, поддакивает Камиль.

Тим, найдя новую волну для подъема, оживляется:

— Ты решил нашу фигуристочку впечатлять оценками?

Его голос становится слащаво-пошлым.

— А минетик она тебе оформит за «хорошо»... или даст себя натянуть только за «отлично»?

Под дикий ржач он закатывает глаза и дергает бедрами, имитируя акт.

Внутри что-то срывается с тормозов. Злость, черная и едкая, заливают все.

Я пихаю ему книги прямо в живот, заставляя охнуть и споткнуться:

— Завязывай с этой хуйней, Сафа! Заебал, блять!

Тим затыкается. На его лице ехидная ухмылка.

— Окей, бро, не агрись! — Он поднимает руки в мнимой

обороне, подначивая: — Ты еще скажи, что рили втюрился в эту кучерявую овцу. Вот тогда я поверю, что мир сошел с ума.

— Ты больной? — Задираю вопросительно бровь и скидываю книги на капот его тачки. — Нахуя она мне?

— Откуда мне знать? — Тим пожимает плечами и театрально разводит руки. — Вдруг это судьба...

Он делает паузу и с хищной улыбкой кивает на мой байк. — ... и дяде Тиму не обрыбится Дукатти. Ведь правда, пацаны?

Бросаю острый взгляд на Севу и Камиля.

— Сафа рассказал про ваш спор, — подтверждает Панченко мои подозрения, слегка ухмыляясь. — Ауф!

— Я на тебя поставил, бро! — весело говорит Камиль и хлопает меня по плечу. — А Панченко, кстати, предатель — на стороне девчонки, каблук!

Сева шуточно пихает Камиля в плечо:

— Да харе! Лапуля огонь! Я с поп-корном посмотрю, как она даст Лексу просрать.

Со смешками и подъебками парни срываются в импровизированный спарринг. Они кружат вокруг тачки, обмениваясь ударами вполсилы, толкаются и ржут, как идиоты.

— Черти, вы еще и на меня ставки сделали? — охуюваю, но адреналин ищет выход. Я влезаю в их «бой» и помогаю завалить Севу мордой на капот.

— Неспортивное поведение! — орет Тим, сложив ладони

рупором. — Брейк! Дисквалификация!

— Завалим рефери? — кидаю Камилю, и мы с диким го-
готом набрасываемся на Тима.

Бесимся и тузим друг друга, больше для ржача.

В порыве кто-то задевает книги, и они с грохотом валятся
на асфальт.

— Блять! — Выругавшись, бросаюсь их поднимать.

— Да че ты трясешься над ними? — сверху раздается за-
пыхавшийся голос Тима. — Это че... из библиотеки книги?
Реально! Чувак, да я тебя боюсь!

— Не обоссись от страха! — подъебываю и поднимаю по-
следний том. — Кинь пока к себе в тачку, я вечером заеду,
заберу.

— Не, пацаны, вы видели?! — Тим делает страшные глаза,
поворачиваясь к Севе и Камилю, которые смотрят на нас с
усмешками. — Еще немного — и мы потеряем нашего бой-
ца! О, что любовь делает!

Он картинно хватается за сердце и сползает по капоту бе-
хи на асфальт.

— Клоуны, — раздается спокойный с издевкой голос Чу-
мы. — Репетиция перед гастрольями?

Резко поворачиваюсь к нему.

Неспешной, пружинящей походкой идет по парковке в
компании двух здоровых парней из сборной по баскету. На
плече — спортивная сумка. На роже — глумливая ухмылка.

В башке мгновенно вспыхивает картинка: столовка, Чума

рядом с моей Кудряхой.

Кровь ударяет в виски с такой силой, что мир на секунду плывет.

Он тот, кто посмел подойти к моей добыче.

Ярость, которую я еле сдерживал весь день, находит наконец точку приложения.

Ты-то мне и нужен!

#####

20. Бес. Уязвимое место

Чума проходит мимо, не ускоряя шага.

Сцепляемся взглядами. В его — ядовитая насмешка, в моем — обещание размазать его сопли об асфальт.

Тело напрягается, готовое рвать, руки сжимаются в кулаки.

— Уродов в трупку не набрали. Хочешь sold out на свою рожу? — голос мой звучит низко, хрипло, как скрежет ржавой цепи.

Чума останавливается, медленно разворачивается.

— Твой батя слишком мягко тебя дрессирует, — отбивает под смешки своих спутников.

— Че ты щас сказал? — Ярость переполняет меня, потому что мразь задел за живое.

Я делаю пару шагов навстречу, останавливаясь на расстоянии удара. Неотрывно смотрю в глаза Чуме.

«Читай свой приговор, упырь», — вклавиваю взглядом месседж.

— Слишком много себе стал позволять, мудила. — бычу, раздувая ноздри. — Или забыл, как год назад ходил в корсете как баба и стонал от боли? В этот раз я тебя не пожалею, — произношу отчетливо. С угрозой.

Тишина на парковке становится гробовой. Даже пацаны за моей спиной замирают.

На лице Чумы — вежливая маска. Но в глазах мелькает что-то дикое, звериное — утырок прекрасно помнит, как я пересчитал ему ребра. Помнит и очень хочет взять реванш.

Давай, дай мне повод!

— Боль — временна, Бессонов, — произносит он ровно, но в голосе звенит сталь. — А глупость... она вечна.

Его взгляд намеренно, медленно скользит в сторону моего байка, а потом возвращается ко мне. Холодный. Расчетливый.

— Особенно, когда кто-то лезет не в свое дело и мнит о себе... слишком много для породистого щенка.

Издавательские смешки чепушил заглушает ток крови в ушах.

— Лекс, не ведись, он же тебя провоцирует! — доносится озабоченный голос Тима.

На роже Чумы появляется кривая усмешка.

— Слушайся старших, щеночек... — этот убан продолжает скалиться, и мне очень хочется поправить его улыбку.

— Не проецируй на меня свои детские обидки, ублюдок, — парирую, жестко добивая: — Никто не виноват, что тебя родила шлюха и бросила, а папка спустя годы вдруг вспомнил и признал.

Впервые за весь разговор я вижу, что пробил брешь в броне — на усыпанных веснушками щеках Чумы расцветают красные пятна гнева, ноздри дрожат.

— И раз уж ты так любишь аналогии с псами, — произно-

шу с издевкой, — то вспомни поговорку про черного кобеля.

Я понижаю голос:

— Сколько не рядись в брендовые тряпки, не пихай всем бабло в задницы — ты так и останешься отбросом, которого из милости забрали с помойки.

Я жду, что сейчас он сорвется и даст мне повод, выпустить своих демонов. Но чертов гоблин стоит и прожигает меня своими рыбьими глазами.

— Ты вряд ли поймешь... — зачем-то несет он какую-то муть, но мне до звезды вся эта хрень.

Перебиваю, жестко припечатывая:

— Если не хочешь остаток жизни провести в инвалидной коляске, не лезь на мою территорию, Чумаков. Сегодня ты подкатил свои шары не к той телке. Еще раз тебя увижу с ней рядом — перелломаю тебе позвоночник.

Краем глаза замечаю Жучку. Та уверенно цокает сюда и неодобрительно поглядывает на нашу компашку. А, ну точно — ее тачка припаркована рядом с бэхой Тима.

Прыгай от радости, урод, тебе сегодня нихуево везет!

Бить рожу при Жучке — табу. Эта стерва быстро настучит ректорше. А та явно не восторге, что я трахал ее внучку.

Разворачиваюсь, собираясь зафиналить этот диалог, когда в спину летит:

— У всех есть... уязвимые места. Даже у таких непотопляемых идиотов, как ты, Бес. Особенно у них.

Мозг взрывается белым шумом. Уязвимые места. Это он

о Кудряхе?

##✖##

21. Бес. Нокдаун

— Чо ты несешь?

Чума, чуть склонив голову, изображает раздумье.

— Твоя младшая сестренка... Алисия, кажется? Сколько ей сейчас? Семнадцать?

У меня от ахуя в ушах звенит.

Леська. Он про мою Леську!

Слова пробиваются как сквозь фильтры.

«Красивая малышка».

«Добыча для любого... обиженного жизнью мудака».

Чума произносит это все с фальшивой жалостью.

— Мир так жесток. Особенно, когда ее братец слишком громко лает и слишком далеко зашел. — Его глаза впиваются в меня, как ледяные шипы.

Срываюсь и хватаю его за грудки.

— Повтори, чо ты вякнул про сестру?!

— Я, лично, с соплячками не вожусь. Но ты же знаешь, как быстро летают сплетни в нашем городе. До кого-нибудь обязательно долетит, что девочка созрела...

Красная пелена перед глазами. Рациональность только что сгорела дотла. Осталась только слепая, убийственная ярость и мерзкая, торжествующая рожа Чумы.

Реакция мгновенная.

БАМ!

Мой кулак, сжатый до хруста, со всей дури врезался ему в челюсть.

Нокдаун!

Чума на асфальте, тянется руками к башке.

Я уже на нем. Пригвождаю коленом к земле, хватаю за майку и с размаху бью еще раз в то же место.

Кровь брызжет из разбитой губы в разные стороны.

Вокруг ругань, крики. Чьи-то руки пытаются меня оторвать от Чумы.

Где-то истошно визжит Жучка.

Похуй на всех.

— Повтори! — ору я, прижимая его голову к грязному асфальту, кровь пачкает пальцы. — Скажи про нее еще раз, падаль!

Я чувствую, как слюна и ярость брызжут изо рта.

Чума не сопротивляется. Хрипит, захлебываясь кровью, но в его безумных глазах не страх — ненависть. И... темное торжество.

Сплеываю рядом с его башкой.

Гребаный выродок.

— Видишь... какая ты... пред... сказуемая... мразь... — выдыхает он, ухмыляясь кровавой пастью.

— Тронешь ее... — Я трясущего так, что зубы стучат, — хоть волос... с головы... и я тебя... не просто прикончу... — Впиваюсь взглядом в его мутные глаза. — Я твои мозги размажу!

Железные руки Севы впились в меня, оттаскивая от Чумы с нечеловеческой силой.

— Бес! Хватит! Отпусти его!

— Боже! Бессонов, Чумаков, что вы здесь устроили?! — верещит Жучка, сверкая глазами и прижимая к себе сумочку.

Чуме помогают встать.

Пошатываясь, он вытирает тыльной стороной ладони кровь с лица. Дышит со свистом, но смотрит на меня с тем же ледяным презрением и... удовлетворением.

— Все в порядке, Анна Павловна, — он гнусавит, обращаясь к ней. — Просто дружеская беседа...

— Беседа? Беседа?! Вы совсем озверели, Александр, — Жучка прожигает меня взглядом. — Я жду объяснений! Сейчас же! В моем кабинете! Оба!

Резво развернувшись, Жучка направилась в сторону корпуса.

— Угомонись, Бес, — прохрипел насмешливо Чума, поправляя порванный воротник. — Я же сказал — с соплячками не связываюсь. Просто... просветил. — Он сплевывает кровавую слюну на асфальт у моих ног. — Удачи. Похоже, тебе ее не хватает.

Я смотрю в его спину.

Моя ярость сменяется ледяной, тошнотворной пустотой и первобытным страхом. Ублюдок только что показал — он знает, где моя ахиллесова пята.

#####

22. Кара. Кристалл

Волна до боли знакомых ощущений обрушивается на меня, едва мы попадаем в фойе Кристалла. Огромное светлое пространство из белого мрамора и стекла наполнено гулом голосов и снующими туда-сюда в этот час людьми.

Пересекаем его по-диагонали и попадаем в сеть переходов и лестниц.

Тянет под ложечкой при виде группы девушек в тренировочной форме. Волосы собраны, щеки покраснелись, а на ногах коньки с защитой на лезвиях. Они весело переговариваются у кулера с водой, стреляя по сторонам глазами.

Я тоже была такой...

Сглатываю болючий комок в горле, натягиваю на лицо улыбку и спешу за Полей.

Она ведет меня на одну из арен мимо тренировочных залов и раздевалок.

Я замираю у входа, жадно втягивая холодный воздух. Говорят, лед не пахнет. Но для меня он всегда пах домом.

Окидываю взглядом пространство и вслед за Полей спускаюсь между рядов трибун.

Останавливаюсь у бортика. Ногтями непроизвольно впиваюсь в ладони. Сердце колотится, как сумасшедшее.

Колено отзывается призрачной, но знакомой ломотой. Я машинально кладу на него руку, будто могу успокоить ста-

рую травму.

— Все нормально? — Поля с сочувствием смотрит на меня.

— Порядок, просто потянула связку, — выдавливаю я, отрывая взгляд от сияющей белизны арены. — Просто... давно не была в таких местах.

На льду кипит жизнь. Но это не привычные элементы фигурки, а хаотичная, агрессивная энергия хоккея.

Ребятишки — едва ли старше Яры, но уже с серьезными лицами — носятся по льду, сталкиваясь, разгоняясь и с воинственными криками посылая шайбу в ворота противника.

Здесь главенствуют скорость, сила и грубость.

Полная противоположность тому миру, который я знала.

Поля комментирует для меня некоторые моменты игры. Чуть позже мы со смешками спорим, чей экип дороже, и приходим к выводу, что самый дешевый спорт — лежать на диване в обнимку с чипсиками.

Пока мы весело болтаем, скольжу взглядом по юным метеорам, их родителям в первых рядах, как и мы ожидающих окончания тренировки, перескакиваю на трибуны... И тут замечаю его...

У дальнего борта, рядом с тренером, сложив руки на груди стоит высокий парень. Лет двадцати. Атлетичное телосложение выдает спортсмена даже под белым бомбером. Темные волосы, скулы, решительный подбородок.

Вместе с тренером он следит за игрой, иногда что-то кри-

чит игрокам. Явно свой в доску.

Но его взгляд... он периодически отрывается от льда и скользит в нашу сторону.

На меня — бегло, оценивающе. А вот на Поле задерживается дольше, заметно дольше.

Легонько толкаю Полю локтем в бок.

— Поль, это кто? Ты знаешь его? Он на тебя пялится.

Поля переводит взгляд к «нашему» наблюдателю и вздрагивает, как пойманная на месте преступления. Ее щеки мгновенно заливают яркий румянец.

Она резко отворачивается, начиная теребить рукав своей кофты, будто ничего в жизни интереснее нет.

— Да... — выдыхает она, голос вдруг становится тихим, смущенным. — Это Захар. Захар, да... Удалов. Он западающий... Ой, в смысле, нападающий! Нападает на всех... — Полин бессвязный лепет резко обрывается, а она стыдливо прикрывает ладошкой лицо. — Боже, что я несу?!

— Он тебе нравится? — вырывается вдруг у меня.

Глаза Поли становятся в пол-лица, а щеки уже пылают, как олимпийский факел.

— Да ты что-о-о?! Нет, конечно! — восклицает она слишком громко и тут же бросает испуганный взгляд в его сторону Захара.

— Извини, глупость сморозила. — Примиряюще касаюсь ее плеча. — Ваш Бес на меня плохо влияет...

— Нет, нет, нет! Он уже твой, — вдруг хихикает Поля. —

Забирайте, государство не обеднеет.

— Обойдусь! — морщусь, вспоминая, как Бессонов мерзко себя вел вчера. — Пусть кто-нибудь другой владеет этим оружием массового поражения!

Тихонько ржем над шуткой.

Стреляю глазами в сторону противоположного борта и склоняюсь к Поле:

— Между прочим, «твой» западающий, кажется, решил протереть в тебе дыру. И, кажется, у него к тебе личный интерес.

— У него этих интересов... полгорода. — Поля картинно закатывает глаза. — Он часто тут бывает после своих тренировок... Смотрит, как младшие занимаются. Марат Аязович, рядом который, их тренер и его дядя.

Киваю, слушая Полин рассказ.

— Он раньше за национальную лигу играл, а потом в родной город вернулся. Собрал вокруг себя пацанов, команду сколотил. Львы рвутся в молодежную лигу, и пока удача на их стороне...

— А говоришь, что мало разбираешься в хоккее, — с улыбкой замечаю я.

— Это не я. Это Степка все... он болеет хоккеем. Мечтает получить клюшку из рук самого Овечкина! Ой, было время, он спал с шайбой под подушкой! — Поля прыскает в кулачок и кивает в сторону льда, где шустро перемещаются юные «львята»: — А вон и Степка!

Тренировка заканчивается гудком. Толпа мальчишек гурьбой хлынула к выходу со льда, грохоча коньками по резиновому покрытию.

Степа — раскрасневшийся, в шлеме, как маленький космонавт после высадки на враждебной планете, пробирается к нам. Его круглое лицо сияет от восторга.

Увидев сестру, Степа расплывается в щербатой улыбке:
— Поля! Прикинь, я сегодня дважды забил! — кричит он.
— Малорик! — Поля задорно дает брату «пять» и помогает стащить шлем и защиту. — Мы подождем тебя в фойе? Только никуда не пропадай!

— Ладно-о! — Степа убегает в раздевалку, а мы двигаемся на выход из арены.

У автомата с напитками берем по стаканчику горячего чая. Отогреваемся и болтаем о пустяках.

Такой контраст после напряженного противостояния с Алексом и тягостных воспоминаний на льду.

Удивительно, но с Полей очень легко. Она теплая и уютная, как ласковое весеннее солнышко.

— Знаешь, у меня такое чувство, будто мы с тобой знакомы всю жизнь, — признается она, и я чувствую, как меня топят в положительных эмоциях.

— У меня тоже, Поля! — с жаром соглашаюсь, делаю глоток безвкусного чая, а потом выпаливаю: — Жаль, что я встретила первым Беса, а не тебя!

— Его проще игнорировать, чем с ним воевать. Из клуба

феечек Винкс, он самый вредный. Остальные — терпимо.

— Да уж. Так себе члены! — Не сдерживаю издевательского смешка.

Бес — та еще феечка. Злая и беспощадная.

Поля понимающе кивает:

— Ничего, остался всего-то месяц. А там — майские праздники, зачеты, экзамены и целое лето без всяких при-
дурков.

Мысль, которая не давала мне весь день покоя, наконец трансформируется в вопрос:

— Поль, ты говорила про касты. Привилегированные, неприкасаемые... А в какой из них ты?

23. Кара. Бабочки

— Прости, я все время забываю, что ты не в курсе! — Поля со смущенной улыбкой картинно хлопает себя по лбу.

Ее взгляд становится чуть-чуть отстраненным, когда она говорит:

— Я... где-то посередине, наверное. — Хмыкает. — На обочине их игр. Мой папа — профессор физических наук. Преподает в нашем же универе. А декан нашего факультета — его давний друг, еще со студенческой скамьи.

Поля пожимает плечами.

— Это не делает меня «золотой», как Бессонова или ту же Лапину. Но это дает некую... неприкосновенность. Они считают меня папиной дочкой, но знают, что если меня тронуть, будут проблемы не только у них, но и их родителей. Это скучная взрослая возня, но она работает. Я просто... вне их поля зрения. Что-то типа невидимки. И мне так комфортнее.

Я поняла Полю. И почувствовала легкую зависть к этой защищенности.

Мы допили чай, поболтали еще немного, дождались Степу и разошлись.

Вечерний город мелькал за окном автобуса, а в голове крутились мысли о кастах, неприкосновенности и... и о Бесе.

«Ты мне нравишься», — его тихий хриплый голос рефреном звучит в ушах. В ответ на это в животе вдруг оживают

бабочки.

Глупышки быются внутри, вызывая щекотку, а еще какое-то странное томление в груди.

Испуганно прислушиваюсь к себе, не простыла ли я на катке?

Касаюсь лба — холодный. Но щеки горят.

Почему он так сказал?

Злюсь на Беса. Потому что нельзя просто так говорить такие смущающие вещи незнакомым и впечатлительным девушкам.

Как оказалось, я очень впечатлительная.

Чувство легкой досады кислинкой ощущается на языке, когда я вспоминаю о своей выходке с китайским.

Он ведь не напишет.

«Так, Снежка! А ну-ка, выброси эти мысли из головы!» — раздраженно выдергиваю себя из розового киселя, который разве что только в носу у меня не булькает. — «Собралась. И с холодной головой подружилась! Этот Бес — хитровыделанный говнюк. Помни об этом».

Поля права. Май — и все это закончится.

А я так вообще могу не ходить до осени.

Тогда почему у меня при этой мысли все мои бабочки грустно поникли крылышками?

Автобус тормозит у моей остановки. Я выхожу машинально. Ноги сами несут меня не домой, а к знакомой зеленой вывеске аптеки.

Покупаю обезболы, пряча на дно рюкзака, будто контрабанду. И, решившись, беру самую сильную мазь для суставов.

После посещения Кристалла у меня появилась одна безумная идея.

Дома меня встречают веселый гул голосов и запах чего-то очень вкусного.

На плечиках в шкафу папин пиджак.

Ура! — папа приехал!

Он сидел на кухне, уже переодетый в домашнее, и с апетитом уплетал мамину шарлотку. Яра сидела рядышком и что-то щебетала.

— Снежка пришла! — папа обернулся, его обычно суровое лицо озарила улыбка.

Это он со своими новобранцами он ужасный и страшный полковник, а с нами он «любимый папулечка» и «папка-добряк».

Я тепло обняла его и чмокнула в гладко выбритую щеку.

— Как универ, дочь? Не съели тебя?

— Подавятся! — Улыбаюсь в ответ, чувствуя, как домашнее тепло растворяет остатки дневного напряжения.

Мы ужинаем, слушая очередную байку про «самого отбитого рядового Романова».

— ...так вот. Отбой по казармам. В части тишина такая, что муха незамеченной не пролетит. И вдруг — тревога! Это долбо... хгм... уникум поднял весь взвод! Кричит: «Дивер-

сант! С западной части забора!»

Папа делает драматическую паузу, отхлебывая чай.

Мама только качает головой, а Яра едва не подпрыгивает на месте, так ей нравятся эти истории про ее «любимчика».

— Оцепили периметр. С фонарями, с собаками... Ищут, ма-а-атыво, этого диверсанта! Полчаса носятся зайцами посолеными. И тут Романов с автоматом как лось с криком: «Там он!» в кусты ломится! — Папа хмыкает. — Бойцы рассредотачиваются, в кольцо берут... А из кустов — «мяу»!

— Кот?! — ахаю я, смеясь.

— Ну! Бандюга усатый! Морда — во! Жо... хвост — во! Крысу размером с таксу поймал и жрет... А тут наш долбо... долбоклюй влез. Ну и получил лапой по морде. Красавец теперь! Ходит наш Романов с рожей расписанной под хохлому!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.